

А. Берник

СТЕПЬ 2

Расцвет

Часть 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Берник

Степь 2. Расцвет. Часть первая

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Берник А.

Степь 2. Расцвет. Часть первая / А. Берник — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98993-1

«Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить всё равно тебе галить». (Прочитать с выражением ужасика. Прочувствовать. Ответить на вопрос: что за культура могла породить нечто подобное для собственных детей и сколько веков ребячьи передаёт эту считалку из уст в уста?) Вторая книга из цикла «Степь», описывающая ордынскую культуру периода раннего становления государственности. VI век до нашей эры. Часть первая. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98993-1

© Берник А., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог.	5
Глава первая. Не родись красивой, не родись счастливой, а родись в нужной семье.	6
Глава вторая. Кого-то гонят, кто-то сбегает. Изначально подноготные разные, а итог один.	11
Глава третья. В поруби сидеть, не камни в гору переть. Взаперти не надорваться с натуги, зато на горке не свихнуться со скуки.	20
Глава четвёртая. Чужая жизнь потёмки, а чужой мир вообще беспросветная ночь. Заблудиться можно так, что потом и себя не найдёшь.	28
Глава пятая. Говно по реке плывёт, не задумываясь о пути, и грести против течения у него нет нужды, потому что говно.	34
Глава шестая. Сколько б «хотелка» не хотела, «нехотелка» не хочет столько же. И если «вдольное» ещё пищит да лезет, то «поперечным» сто пудов подавишься.	45
Глава седьмая. По башке настучал – последние мозги отправил в задницу, а выпоров задницу – голове добавил разума. Карусель какая-то получается.	51
Глава восьмая. Если без меры пихать всё что впихивается, так и меру саму ненароком запихаешь туда, потеряв последние границы дозволенного.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Берник

Степь 2. Расцвет. Часть первая

Пролог.

Ордынские культуры наводили свои порядки в Евразии и Северной Африке более трёх тысячелетий. Грабя, разрушая и вновь создавая государственные образования во главе со своими ставленниками. По сути, к концу своей многотысячелетней истории все властные структуры ближнего и дальнего зарубежья от Русских степей, в том или ином колене представляли собой пришельцев ордынских культур.

Зачастую ушедшие в походы степные орды иногда надолго, а порой и навсегда оседали на захваченных землях порождая мощные империи и отдельные государственные образования, а бывали случаи, когда становились предтечей целого нового народа.

При этом кто-то продолжал поддерживать связи со Степью, кто-то дистанцировался от неё. Некоторые особо одарённые набирали такую мощь, что начинали с ней соперничать, воображая себя в праве диктовать Дикому Полю свои условия. Но за всю трёх тысячелетнюю историю никому не удалось завоевать Степь.

Глава первая. Не родись красивой, не родись счастливой, а родись в нужной семье.

Среди вольного степного простора росла дева с огненно-рыжими волосами и было у неё до поры до времени две «лучших» подруги. О девичьей дружбе во все времена можно рассуждать много и разнопланово, но лучше вовсе не упоминать как нечто неправдоподобное. Да и о какой дружбе можно вести речь если она являлась царской дочерью, облизанная всем миром, а «подружки» заводились исключительно живыми игрушками для неё такой «великой» и местами «героической», какое безапелляционное мнение имела девочка о самой себе.

Кликали эту царскую дочь – Райс, что означало «восходящая выше звёзд». Она была не просто отпрыском одного из неведомых царей, каких в те давние времена имелось хоть пруд пруди, и ещё столько останется. Куда не плюнь в царя попадётся. Это рыжее создание являлось единокровным отпрыском царственной четы самой Тиоранты – Матери Степи,¹ властительницы народов и царя всей земной орды – Эминака, прославленного героя, не ведающего в своих походах неудач и поражений.

Эта чета считалась самой могущественной супружеской парой во всей ойкумене того времени. И Райс как любимая и долгожданная дочь представляла собой наивысшую ценность всего известного мира. Вертя повелителями человечества при помощи «хочунистых» капризов, она априори становилась персоной самой влиятельной во всей необъятной вселенной по умолчанию. Правда, у неё имелся ещё старший брат, но он не в счёт в мире воинственного матриархата. Он же мальчик! Одно слово – природное недоразумение.

Райс с ранних лет «геройствовала» во всём докуда дотягивались её пакостливые ручонки. Особенно преуспевала во вседозволенных замашках незнающих границ приличия относительно прислуги, и бесчинствах со своим ребячьим окружением, играя с ними далеко не в детские, а порой в откровенно жестокие и безжалостные игры на выживание.

Дочь как две капли воды походила на царствующую маму, и это касалось несколько генетического сходства, сколько копирования внешних атрибутов и прибаамбасов. Она всегда и всюду требовала от шатровых дев, что одевали, обували, наряжали её и причёсывали, чтобы всё выглядело один в один «как у мамы».

Поэтому облачали Райс всегда мелкой копией царицы, и даже придавали шевелюре её огненных волос некую небрежную распушенность и нарочитую пышность как у повелительницы народов. Тиоранта по титулу особого клана, кос не плела. Не положено было по ведьминому статусу. И дочь отродясь плести космы отказывалась наотрез.

Один в один, лазоревые глаза, способные взглядом синеву неба затмить и одинаковая с царицей причёска с одеянием, делали Райс точной копией Тиоранты, только маленькой.

«МалАя стерва», как называло её за глаза услужливое окруженье, даже в одно время у мамок-нянек потребовала разукрасить детское тельце под ведьминые узоры маминой натальной росписи. На что царица, узрев подобное безобразие и не оценив творчества доморощенных художниц, разрисовавших неразумное дитя разноцветными красками, врезала прислуге так, что мало им ни показалось на всю оставшуюся и по её царскому заверению недолгую жизнь. И повторять творческий порыв в дальнейшем не захотелось ни дочери, ни тем более мамкам-нянькам.

А саму «дрянь паршивую» оттирала жёсткой мочалкой царственной ручкой самолично и с пристрастием, при этом выговаривая воспитательные внушения далеко не литературно-педа-

¹ Мать – официальный религиозный титул царицы степных народов. Верховная правительница. Глава особого клана «меченых» культа Троицы, титулованных «господ» степи.

гогическими словосочетаниями. Отчего дочь, совсем не по-геройски отревев всю болезненную процедуру ещё долго ходила по шатру абсолютно голая, смотря сычом на всех как на личных врагов, наотрез отказываясь что-либо одевать на горящее от помывки тело.

Игрушки-подружки, подсовываемые «звёздной» дочери с завидной регулярностью для светского времяпровождения через какое-то время «ломались» и пропадали пропадом. Лишь одна оказалась живучей и устойчивой к причудам царской дочери. Словно ванька-встанька, только женского пола. Сколько бы Райс её по жизни не мордовала и ни швыряла оземь, пиная ногами, она всякий раз вставала и просто отряхивалась, будто только этого и добивалась. Эту «лучшую» подругу, а по сути, на тот момент единственную, кликали Такамитой, а шатровые девки обзывали «болванчиком», притом не только за глаза.

Когда Райс подросла, то вполне искренне полагала что они с Такамитой водились с самого рождения, хотя это, конечно, не соответствовало действительности. Такамита появилась при царском дворе лишь когда рыжая госпожа подросла до «почемучного» возраста. Откуда взялась, и кто её родители, никто в их окружении не ведал. Ну, по крайней мере, подружки этого точно не знали, а те, кого спрашивали клялись всем чем могли, что тоже без понятия. Толи правда, не знали, толи знали да помалкивали.

Дружили девочки несколько странно, если не сказать большего. Проходила эта дружба в постоянных нескончаемых войнах с погромами и членовредительством, вперемежку с праздными примиреньями и слёзными «обнимашками». Притом периоды этих состояний в их отношениях, определяла царская дочь по своему усмотрению самолично. Она, то лупила подругу и гнала пинками из своего шатра, утверждая, что на этот раз уже навсегда. То тут же кидалась следом на её поиски и силком притаскивала обратно дружить. Вот так и жили две подружки.

Вместе сели на обьеженных коней, вместе учились стрелять из лука и драться на оружии. Вместе «грызли заветные знания», постигая колдовское и ведьминое дело. Учили наговоры, заговоры, отвары из разных трав. И если в дисциплинах воинского искусства Райс устремлялась впереди оравы всей, находясь постоянно в лидерах среди учениц, то в том, что касалось потустороннего столь же сильно отставала от других послушниц, что учились значительно прилежней и усидчивей.

Но это рыжую оторву совсем не расстраивало. Ибо не геройское это дело, как она полагала про ненужное, скучное и вредное образование. Хотя быть первой во всём Райс привыкла как должное и не позволяла никому её обскакать хоть путём упорного старания, хоть просто ликвидируя соперницу грубой силой без каких-либо правил конкуренции и спортивного соперничества. Но вот нудное учение ведуний, царскую дочь тяготило и в буквальном смысле погружало в сон, вытягивая из неё всю прыть и нагоняя тоскливую зевоту. Это тягостное мучение являлось, по её словам, «проклятушим наказанием».

На познание ведьминой премудрости рыжая сама толкала Такамиту впереди себя, прятая за щуплой спиной подруги, и отсиживаясь там. Такамита наоборот подходила к занятиям с особой прилежностью, хотя, как выяснилось, особого дара у неё к этому делу не имелось, но благодаря упорству и желанию стать непременно ведьмой, девочка всё же кое-чего достигла. По крайней мере травы знала от и до.

Только рыжую потеря лидерства в учениях ни капельки не расстраивало. Потому что тогда она считала эту «хрень» ненужной, да и вовсе бесполезной для её будущей геройской жизни. Но так как мама принуждала и настаивала, то дочь вынуждена была стойко терпеть эту нудную бредятину.

Не сказать, что Райс с Такамитой росли лишь вдвоём, оторванные от других своих сверстниц. К ним в их «дружный» коллектив благодаря родительскому протектору, вливались всё новые и новые подружки. Вот только как вливались, так и выливались обратно. Перетерпеть характер «рыжей дряни» суждено оказалось не каждой. Вернее, никому из них, как не старались соискательницы её дружбы.

Когда девы подросли и на их девичьих телах проклюнулись первые зачатки половой принадлежности, в банной прислуге царственной семьи в качестве банщика объявился чужеземный паренёк. Молодой ещё по годам, но для кутырок² казался уже достаточно взрослым представителем противоположного пола.

Странно одевался, не по степным обычаям. Странно говорил тонким детским голоском с не слыханным ранее акцентом. И не кличку имел как все, а непонятное для них имя – Шахран. И вообще он Райс сразу не понравился, от чего рыжая с первого мгновения как увидела, принялась бедного банщика гнобить. Ни разу не упустив возможности его унижить или как-нибудь пообидней уколоть.

Больше всего бесило царскую стервочку одна его исключительная от всех особенность. Несмотря на то что в бане все ходили голыми³ независимо от рода, пола и властного положения, этот представитель ненавистного для неё мужицкого отродья всегда расхаживал в штанах. Притом не в кожаных ордынских что носились в натяг, а матерчатых, воздушно-широких. Притом широких настолько, что в каждой штанине могло поместиться по мешку с рыбой.

Подловив как-то это мужицкое недоразумение в кольце предбанника, и прижав его к шатровой стенке, девки-подружки воинственно угрожая далеко не игрушечными кинжалами потребовали от Шахрана немедленно снять штаны и показать, что он там от их любопытных и подозрительных глаз прячет.

Молодой банщик, как ни странно, сопротивляться даже не подумал. Лишь загадочно улыбнулся, даже скорей презрительно скривился, насмехаясь над малолетками. Медленно распустил завязки и уронил штаны на песчаный пол, представая перед ними во всей красе.

Когда любопытствующие кутырки не узрев там ничего кроме уродливого шрама с кожей словно оплавленный воск, то некоторое время пялились не дыша, словно их «Кондрат обнял, да отпустить забыл». А как вдоволь насмотрелись на это уродство, то раззявили ротыки как по команде и заверещали дикими бестиями будто их режут.

Не меняя на мордашках выражений до смерти перепуганных детей, во все резвые ноженьки пустились ябедничать на это безобразие Царице-Матери, что в это время вела приём иностранной делегации. Когда Тиоранта со своими ближними, сопровождающими её на приёме с великим трудом уняли ревущих девок и поняли из их парной истерики что случилось, то царица рывкнула на подружек так, что те разом заткнулись, как и не ревели вовсе.

– Да как вы посмели! – принялась кричать на пакостных девок царица, обихаживая их ором и сжигая немилостивым взором, что ничего хорошего обоим наглым девкам не сулил.

Да надолго так разошлась, распекая бессовестных малолеток всё тем же концом да по тому же месту, но Райс привыкшая к ору мамы за своё детство, лишь округлив недоумённо свои лазоревые глазёнки посмела с негодованием огрызнуться, втискиваясь в одну из пауз в царственной ругани:

– Ну, я же должна была знать, что он там прячет в своих немереных штанах.

Конечно, дева имела в виду не то что подумали взрослые. Только при её словах, царица подавилась на вдохе воздухом забыв выдохнуть и лишилась дара не только бранной, но вообще любой речи. Она хотела в целях нравственного воспитания для начала отсчитать обеих девок

² Обобщённое название девочек-подростков от 6—7 до 14—15 лет.

³ Половая ордынская культура в обязательном порядке предписывала исключительно общие бани, где помывочные функции, как таковые, отсутствовали. Основная функция общих бань имела под собой сакральную составляющую, где формировался базис полового поведения в обществе. Ордынская половая культура была уникальна. В будущем, традиция общих бань была перенята славянами и стала традицией уже Русского царства. Первым запретным действием по поводу общих бань стал указ Ивана IV Васильевича. Как-то при царском выезде прямо на него из распаренной бани с визгом выскочили в снег голые монашка с монахом. Царь посчитал что «это не гоже» и запретил монашкам посещать бани, хотя монахов этот запрет не коснулся. Жирную точку в фундаменте русской половой культуры поставила Екатерина II Ангальт—Цербская так и не впитавшая русскую культуру в себя, оставшись иностранкой. Своим указом она запретила общие бани, сделав их чисто мужскими и женскими, хотя в провинциях и глубинке общие бани сохранились ещё вплоть до конца 19 века.

как следует за разнузданность. Преподав урок тактичности и дозволенной этичности, но не найдя что ответить, просто переходя на спокойный и устало расслабленный тон обозвала подружек полными дурами и прогнала с глаз долой, в сердцах махнув рукой на упущенное воспитание.

Но после этого случилась удивительная вещь. Райс, никогда не имевшая жалости к другим, а в ближнем окружении поговаривали что дева вообще неспособна на сострадание и человеколюбие с самого рождения, Шахрана пожалела от всей своей мелкой, вредной и по большей части пакостной душонки.

Нет, она не пошла к нему с извинением, но доставать банщика перестала. Сначала просто пряталась от уродца, старалась избегать его при любой возможности. А вот Такамита и прощение просила за их общее с Райс поведение, и разговоры с ним стала вести всякий раз как встречались, где случайно, а где и сознательно.

Он оказался парнем необидчивым и вполне компанейский для любопытствующих подруг. По податливости своего характера Шахран очень сильно походил на Такамиту, и спустя всего пару деньков Райс уже «придружила» его в свою компанию. Притом самым беспардонным образом. Вот так и стало их три «подруги», дружба которых растянулась на годы. То, разводя их, то сводя по её царскому велению.

Когда Райс заярилась⁴ и в боевых сестричествах⁵ с размахом отметили сей факт пьяным разнузданным разгулом, подвыпившая на гулянке с Матёрыми⁶ мама впервые применила к дочери силу, не позволявшая такого себе ранее никогда. Она грубо, силком заставила новоиспечённую ярицу делать то что рыжая отчаянно не желала и отказывалась наотрез, закатывая очередную истерику.

Нет, конечно, мама не впервые обзывала принуждением дочь, но до этого раза никогда не прикладывала рук. Да и если дочь упиралась упёртой козой, то царица, дойдя до определённого предела всегда шла на попятную, не доводя воспитательный процесс до порки.

Только на этот раз избалованная Райс словно каким местом почувствовала резкое изменение Матери к себе, да и вообще всего её ближнего круга. Все как-то сразу перестали её бояться и лебезить как бывало ранее. Толи маму достали выходки дочери, и у неё лопнуло терпение, толи сам факт прихода месячных означал какой-то жизненный рубеж, где кончалась её бесшабашное детство. Она тогда понять не смогла.

Райс хоть и значилась в царском стойбище безголовой, незнающей границ в своих бесчинствах, но в дурах не числилась, а считалась девой умной и рассудительной. По крайней мере, таковой она сама себя видела. Хотя, по правде сказать, не без этого. Ещё та «голь» что на выдумки и на пакости хитра.

Оценив и здраво взвесив всё что видела и на собственной шкуре прочувствовала, тут же перестала истерить сделав для себя вывод о необходимости несколько поменять своё показное поведение и перевести привычную для неё жизнь из разряда вызывающе-демонстративной, в завуалированно-партизанскую. Твёрдо решив, что на людях станет такой, какой её хотят видеть, а втихаря будет делать то что захочется. И пусть попробует какая-нибудь шавка тявкнуть.

Только ничего из намеченного после той разгульной ночи сделать у царской дочери не получилось. На следующий день мама взяв дочурку за руку, и ничего толком не объясняя, явно

⁴ Вступление девочки в репродуктивный период. Первые месячные. С этого момента кутырку принято было называть ярица.

⁵ Административно—военизированное подразделения девичьей орды. Каждая боевая девичья орда была больше, чем простое воинское образование. Они представляли собой некое большое семейство, где все девы подразделения были друг другу кровными сёстрами.

⁶ Глава административно—военизированного подразделения девичьей орды как правило сотни. Соответствовала мужскому аналогу – атаман.

находясь не в духе, отвела её в сопровождении практически всех Матёрых сестричеств в лесную чащу к пустующей избе еги-бабы⁷. Там рыжую оторву надувшуюся через губу, запечатали в бане. Закрыли в полной темноте молотиться, как подумала поначалу про себя новоиспечённая ярица.

Райс изначально этот махрово-древний ритуал восприняла как всего лишь очередное наказание, к которым она привыкла. А за одно и как предоставленную возможность хорошенько продумать планы каверзной мести. Поэтому не слишком переживала и расстраивалась, лишь показательно надулась словно мышьяк на крупу, всем своим видом показывая, что «не мама ты мне больше».

В действительности же, после принудительных танцев с топтанием на выпачканной кровью рубахе, да ещё голышом в чём мать родила, и под унижительный ор и хохот первых ближниц царицы, что шлепками по голой заднице гоняли её из угла в угол с матерными окриками, Райс собралась подумать, как следует. Она решила «запомнить на веки» всех до одной кровных обидчиков, расставив сволочных баб по очереди и собираясь устроить им индивидуальную каверзную месть.

Только то что с ней произошло дальше, воистину стало жизненным рубежом, перешагнув который обратной дороги у Райс уже не было. Эта ночь, как оказалось в будущем, разделила судьбу царской дочери на то что было «до», и то что сделалось «после» ...

⁷ Рудимент прошлых культур, но частично оставленный в матриархальном обществе сарматов и скифов. Своеобразное подобие раннего монашества. Использовалась адептами культа Троицы для инициации мальчиков, в получении полового воспитания, продолжая оставаться, как и ранее островком «гостеприимности». Подробнее в книге первой.

Глава вторая. Кого-то гонят, кто-то сбегает. Изначально подноготные разные, а итог один.

Было их четверо молодых и разных, кому судьба распорядилась поменять никчёмную и бестолково-однообразную жизнь, а кому-то распутную и разнузданную, на жизнь, пролетающую стрелой, столь же скоротечную, смертельно опасную, но до безумия интересную. Жизнь, подобную выпавшим игральным костям: либо всё, либо ничего.

Самого старшего в компании беглецов звали Гнур. Высок, хорошо сложен и единственный из всех прекрасно воспитан, в его понимании. Копна густых чёрных кудрей, пробивающаяся щетина такой же чёрной бороды и усов, делала молодого человека в глазах девушек неотразимым мужчиной и завидным женихом. Ещё бы. Сын вождя племени Маспий⁸ – это звучит гордо, а Маспии, это вам не зачуханные кочевые роды, лазающие по горам, а городские, зажиточные жители Парсы.⁹

Он и одевался отменно, и коня имел породистого, и оружие лучшее. Грамоте обучен, целых три писанных книжки прочитал, правда, поумнеть от этого ему не слишком получилось, да и дурь молодецкую не выветрило, но фору перед сверстниками давало ощутимую, и в глазах противоположного пола прибавляло веса, когда с бахвальством декламировал заученные наизусть писанные творения великих.

Не устраивал его отца бесшабашный образ жизни отпрыска, и чтобы обломать фривольное и не к чему не обязывающее проматывание родовых богатств, родитель принял решение его женить. Посчитал, что сын давно вырос и пора бы ему вступать во взрослую жизнь, полную не только прав, но и обязанностей. Он всё чаще принимался поучать своего наследника, что жизнь коротка, мол не успеет сын как следует развернуться, а уже и помирать пора.

Гнур съездил пару раз на смотрины и затосковал, поняв всю никчёмность своих попыток увильнуть от настойчивости отца уладить его личную жизнь. От той безысходности и сбежал. Подвернулась ему парочка нищевродных балбесов, как он их для себя определил, которые так разрекламировали свободную и вольную походную жизнь в каких-то там северных степях, что, разом плюнув на всё, сам же и возглавил бегство их небольшого отряда в далёкую и непонятную для него страну. Ему тогда было всё равно, лишь бы подальше чтобы отец не достал.

Главного инициатора и вдохновителя побега из той парочки бедных пастухов звали Асаргад. Выходец из Мардов, он являлся представителем одного из кочевых племён, обитающих на межгорных равнинах. Пожалуй, одного из беднейшего, хотя и многочисленного. Поэтому Асаргад, в отличии от Гнура от побега вообще нечего не терял.

Сын бедного пастуха, сводившего концы с концами лишь благодаря тому, что поддерживал жизнь семьи мелкими грабежами на большой дороге. Хотя и в банде его папаша ходил лишь на вторых ролях, так что большого куша никогда не перепало. Серьёзные ранения, полученные им ещё в бурной боевой молодости, делали его ушербным. Прихрамывал на одну ногу, и левая рука плохо слушалась, почти отсохла. Эти метки прошлых боёв и не давали пастуху возможности ни хозяйство в полную силу вести, ни в банде по рангу выше подняться.

Именно из редких рассказов отца у вечернего костра, то и дело впадающего по пьянке в ностальгию о своей бурной молодости, прошедшей в той далёкой северной стороне и узнал Асаргад об этой удивительной воинствующей бескрайней степи, с детства мечтая, что как только вырастит, обязательно отправится по стопам родителя и станет великим воином и бога-

⁸ Маспии – на рубеже 560-660 г.г. до н.э. одно из крупных оседлых персидских племён.

⁹ Парсы (*Персия, Парс, Персис*) – грецизированное название исторической области Парсуаш (отсюда также древнегреч. Персида) в южном Иране, ныне Фарс на берегу Персидского залива. Древние парсы (персы) жили в регионе Парсуаш примерно с X века до нашей эры.

тым мужчиной, но не в пример отца будет более удачлив и осторожен с ранениями. А то, что здесь ему ловить нечего он определил для себя сразу, как что-то начал понимать в этой жизни.

Мальчик не собирался, конечно, отправиться туда вот так сломя голову, но подвернувшийся Гнур решил его судьбу одним махом, и Асаргад даже не колеблясь, собрался и поехал с этим жадным до авантур и приключений отпрыском знатного рода, бежавшего в отличие от марда куда глаза глядят.

Асаргад, по сравнению с Гнуром выглядел на вид ещё совсем мальчишкой. И ростом пониже, и сложением по суше, и поросль на лице только пушок, но молодость, проведённая в дикой горной стране, это очень хорошая школа выживания между смертью и жизнью. Такую закалку не получишь при дворе знатных вельмож со всеми их знаниями и воспитаниями. Про реальную, дикую жизнь этот молодой человек знал куда больше Гнура, ребёнка-переростка. К тому же у парнишки имелось одно уникальное качество – феноменальная память.

В кого он такой уродился Асаргад не знал, но всегда убеждал себя, что это дар Ахурамазды¹⁰, так по крайней мере предполагал отец, а мать была просто уверена, считая что данный уникальный дар сделает сына особенным и в будущем очень важным человеком.

Он умудрялся запоминать практически всё что лишь раз увидит или услышит, притом навсегда. Одарённый мальчик по примеру мамы уверовал, что он не такой как все, а значит и судьба его должна быть не такая как у всех. Асаргад осознавал себя меченный небом, хотя никогда не афишировал этого перед посторонними. Мальчик надеялся именно с помощью этой особенности достичь высот в жизни, вот правда пока не знал, как.

Вторым из парочки босяков оказался такой же сын нищего пастуха из соседнего стойбища, одноклассник с Асаргадом по имени Эбар. Асаргад с детства заразил его идеей северной страны и с тех же времён наметил его в свои напарники и кровные побратимы¹¹, о которых с таким упоением рассказывал отец, восхищённый боевыми ритуалами далёких земель. Эбар согласился. В отличие от друга он не воспринимал всё это в серьёз, но помечтать всё же хотелось.

Так мечтая на пару, они и оказались в водовороте событий, одним взмахом крыла капризной фортуны превративший их пустые вздыхания в нечто осязаемое, но всё ещё не осознаваемое и не понятное. Молодые пастухи пустились в авантюру с мурашками по всему телу, абсолютно не представляя, чем это всё для них закончится.

Эбар в отличие от друга считал себя обыкновенным. Никакими особенностями не обладал. Единственно чем выделялся из троицы, оборванностью своего одеяния и грязью тела. Нет, его семья не являлась столь безнадёжной, просто ему всегда было наплевать на то, во что он одет и при этом патологически не любил умываться, даже брезговал что ли.

В отличии от Асаргада, которого отец хоть и кряхтя, но всё же отпустил несмотря на слёзы и вой матери, Эбару пришлось бежать в прямом смысле слова, потому что его глава семьи категорически запретил подобное деяние и даже закрыл в яму чтобы не удрал, но друг помог, и он сбежал. Вот так сначала втроём они и отправились покорять степные просторы неведомой стороны.

¹⁰ Ахурамазда (также Ахура-Мазда), др.-греч – Ормазд, Ормузд, «Бог Мудрый» – авестийское имя божества, которого пророк Зороастра – основатель зороастризма провозгласил единым богом.

¹¹ Побратимство – древний ордынский обычай. Братство по духу, которое было всегда значимее родства по крови. Побратимы становились люди прошедшие специальный обряд. В дохристианскую эпоху с совместным жертвованием собственной крови и вина. На побратимов накладывались жёсткие обязанности. Например, побратим обязан был после смерти друга жениться на его вдове и заботиться о его родителях и детях. Обязывал побратима приходить на помощь всеми силами и средствами, даже без зова на помощь, если тот попадал в беду, например, в плен. И ещё много различных обязанностей по отношению друг к другу. Удивительно, что этот обряд сохранился в казачестве до наших дней почти без изменений. Только двоежёнство запретили, да сам ритуал сделали бескровным.

Четвёртый присоединился к троице уже на полпути у самой мидийской¹² столицы Экбатаны,¹³ мимо которой лежала их дорога. Он оказался примерно одного возраста с троицей, что их сразу сблизило, и звали беглеца Уйбар. Он относился ни к персидскому и даже ни к мидийскому роду, а какому-то тогда не понятного для троицы, урартскому.

Судьба Уйбара чем-то походила на участь Гнура, но с большими отклонениями. Сын родовитых родителей, избалованный и облизанный с рождения, в один прекрасный момент взбунтовался и ударился во все тяжкие. Высокий, стройный, с ухоженными кудрявыми волосами чёрными как смол.

Но главное его достоинство состояло в языке без костей, которым урартец мог уболтать кого угодно. Даже уговорить на секс помирающую бабку, как повеса характеризовал сам себя. Отправленный в столицу империи отцом на обучение, он, почувствовав свободу, как и положено в таких случаях, вместо овладения знаниями и умениями увлёкся кутежами и гулянками.

Золото, выделенное отцом на карманные расходы, быстро кончилось, но к тому времени юноша умудрился перепортить за какой-то год своего пребывания в столице кучу породных дочерей мидийской знати, назанимав при этом у их же папаш денег на безбедную жизнь, наобещал аж семерым жениться, ну и как полагается, когда афера вскрылась сбежал, куда глаза глядят.

Шум по поводу его похождения поднялся сразу и принял вид снежной лавины, когда двое высокородных папаш, имеющих на своём попечении «изрядно попорченных» дочек, заявивших своим родителям что забеременели от этого прохвоста, устроили публичный скандал и не разрешив между собой делёж молодого повесы чуть не объявили войну между родами, а тут ещё два высокородных семьи вклинились в их спор с точно такими же претензиями, а за ними ещё три кандидата в тесты, но пока без последствий в виде будущего потомства. И тут началось.

Скандал дошёл до самого царя, такую он поднял шумную и скандальную волну среди жителей столицы. Иштувегу¹⁴, великий царь Мидии даже распорядился поймать мерзавца-производителя и доставить на царский суд пред свои ясные очи, но куда там. Этот пройдоха оказался мастак не только охмурять девочек, но обвёл вокруг пальца всю царскую охоту на него.

Несмотря на то, что по этому поводу отцепили весь город по всем кольцам, не выпускающая из стен никого, даже мельком похожего, Уйбара переодетого в женское платье и размалёванного под женщину, купившего носильщиков, благополучно и с соответствующей помпой вынесли из городских ворот мимо бдительной стражи, даже не заподозрившей в нём объект облавы.

На большой торговой дороге, уже в дали от городских стен, прикинувшись больным проказой, обманом завладел лошадьё и в наигранном полуобморочном состоянии с умирающим видом, преспокойненько пустился в бега в свои родные края. Вот тут-то и столкнулся этот беглец с путешествующей троицей.

Посидели, познакомились, выпили вина, прихваченного где-то молодым повесой, поговорили за жизнь. Поразмыслив немного на тему, что его ждёт в родных пенатах Уйбар без капли сожаления примкнул к беглецам, с единственной целью просто куда-нибудь скрыться на время, пока всё утихнет, а потом...

¹² Мидия – древнее восточное государство, а также древняя этногеографическая область на западе Ирана, от р. Аракс и гор Эльбурс на севере до границ Персиды (Парсы) на юге и от гор Загроса на западе до пустыни Деште-Кевир на востоке, населенные ираноязычными племенами. Мидийское царство существовало в 670 до н. э. – 550 до н. э. и в годы своего расцвета было гораздо шире границ этнической Мидии.

¹³ Экбатана (Северная Экбатана) – первая столица Мидии, окружённая семью стенами, возвышавшимися друг над другом зубцами, выкрашенными в цвета: белый, чёрный, пурпурный, голубой, красный, серебряный и золотой (соответственно пяти планетам, луне и солнцу).

¹⁴ Иштувегу (греч. Астиаг) царь Мидии в 585 – 550 до н.э.

Не думал он о северных степях и походных подвигах, не собирался тогда кардинально менять свою жизнь, просто так получилось. Ушёл с ними на время, получилось на всегда.

Долгий путь до Великой Степи, дорожные мытарства и приключения, удивительным образом спаяли этих абсолютно разных молодых людей в дружную компанию. Станным, непостижимым образом они как-то усреднились между собой, переняв друг у друга и хорошее, и плохое. Все одинаково стали рваными и грязными, хотя Эбар, наоборот стал не с того не с сего умываться при любом удобном случае.

Уйбар, скучая и хоть как-то пытаясь разнообразить нудное путешествие, то и дело подначивал и подшучивал над попутчиками, устраивая им не всегда безобидные розыгрыши, а в конце пути уже сам был не рад, так как попадался на розыгрыши и шутки своих товарищей в большей степени, чем успевал отвечать.

Асаргад, благодаря своей уникальной памяти, за дорогу долгую научился писать и читать, притом не только на парси, но и на урартском. Эбара тоже пытались пристроить к этому делу, но это оказалось всё настолько бесполезно, что и Гнур, и Уйбар, довольно быстро бросили это занятие.

Ехали не быстро. Кобылка Уйбара сильно тормозила. Она не предназначалась для быстрого бега, хотя и оказалась вынослива, лазая по горам. Один раз на склоне подстрелили козла, так три дня пировали на берегу небольшой горной речки и пока всего не съели дальше не тронулись.

И наконец третья проблема, делавшая путь неспешным – никто не знал куда идти. Были даже моменты, когда все, кроме Асаргада уверяли, что никуда они не дойдут, потому что всё это пустая выдумка и закончится их поход тем, что приедут на край земли и нечаянно свалятся в бездну. Уйбар, выдвинувший это предположение сам же в него настолько уверовал, доказывая словно незыблемую истину с пеной у рта, будто бывал там уже раз десять, и даже пару раз сваливался, судя по детализации его трёпа.

Наконец, им попался на пути один старик с маленьким мальчиком, перегонявший небольшую отару овец, который узнав куда молодые люди держат путь, сначала обозвал их повсякому, мол вместо того чтобы полезным делом заняться, в логово бандитов и убийц подались за лёгкой наживой и разбойной жизнью, но побурчав всё же указал дорогу, да и по времени определил сколько им ещё добираться.

Эта конкретика несколько придала молодёжи смысла их бессмысленному пути и юноши поехали значительно веселее, отмечая по дороге те приметы, что указал им пастух. Благо память Асаргада не требовала ничего записывать, и он точно знал в каких местах что искать. Именно способности последнего сначала восхитили спутников, кто его не знал до путешествия, а через несколько дней пути безоговорочно уступить Асаргаду лидерство в четвёрке.

Наконец, они действительно достигли края земли, вернее гор, но вместо пропасти и пустоты впереди все четверо в первые в жизни увидели огромное море воды, спустившись к которому с удивлением узнали, что вода в природе бывает ещё к тому же тёплая и солёная.

Целый день потратили на плескание в спокойных и мерных волнах, бегая друг за дружкой по песчаному краю, стараясь от берега в глубину не удаляться, так как плавать никто из них не умел. Только день спустя, вдоволь наплескавшись двинулись дальше.

Чуть ли не каждый день, встречая на своём пути те или иные препятствия, путники делали для себя всё новые и новые открытия. Молодые люди выехали в голые степи не встречая ни одной живой души на своём пути, и только на третий день, когда горе путешественники уже изнемогая от жажды ковыляли по безводной высохшей травяной пустыне их окружил небольшой конный отряд саков,¹⁵ смотревший на четвёрку горцев выпученными от удивления гла-

¹⁵ Саки – собирательное название группы кочевых и полукочевых племён I тыс. до н.э. – первых веков н.э. в античных источниках. Название восходит к скифскому слову *saka* – олень, и древние авторы считали их одной из ветвей восточных

зами толи как на самоубийц, толи как на невиданных дураков, решившихся на безрассудный поступок.

Получив объяснение от четвёрки молокососов, саки сначала долго смеялись, потом всё же напоили их какой-то кислой дрянью, от которой в голове у путников «захорошело» и отвели в своё стойбище.

Четвёрка, не зная ни нравов степняков, ни их обычаев, хоть с трудом, но всё же понимала их язык. Гостеприимный и обходительный приём хозяев, даже поначалу как-то шокировал, но Гнур с Уйбаром быстро освоившись стали воспринимать всё как само собой разумеющееся, лишь обескураженные Асаргад с Эбаром чувствовали себя крайне скованно до самого конца пребывания в сакском стойбище.

Законы гостеприимства, конечно, существовали и в их племени, но то как их встретили местные дикари, выходило за всякие рамки их убогого понимания. Это для них было уже через чур.

Перед тем как продолжить путь дальше по указанным приметам, пройдоха Уйбар умудрился обменять свою старую кобылу на молодого жеребца, правда дав при этом хозяину в довесок золотой брусок, и ещё золотое полукольцо¹⁶ урартец выложил за продукты и воду для дальнейшего пути, от чего у него резко ухудшилось настроение, и он высказал по поводу нищих друзей-дармоедов пару нелестных слов.

Дорога – странная штука. Она может пролегать без начала и конца. Иногда даже длиною в жизнь, а на некоторую и жизни не хватает, но вместе с тем, любой путь когда-нибудь заканчивается: либо концом дороги, либо жизнью идущего. Вот и у этой четвёрки их длинный, и, казалось бы, бесконечный путь закончился. Беглецы добрались до своей цели – стойбища касакской орды¹⁷, одной из многочисленных в бескрайних степных просторах. Небольшой, что называется окраинной, то есть пограничной, но сплочённой и боевой.

Такого молодняка как вновь прибывшие, в стане не водилось, и атаман долго раздумывал прибрать пацанов к рукам или послать их дальше к хвостам собачим. Так и не приняв никакого решения он даже собрал ближний круг. Мужики тоже почесали бритые головы, но посоветовать атаману ничего путного не смогли.

С одной стороны, молодняк можно прибрать, используя как дармовую рабочую силу. Рассчитывать на то, что от них будет толк в боевых выходах не приходилось, но с другой стороны, это лишние рты, которых придётся поить и кормить в голой степи.

Та и другая сторона вопроса являлась в общем то равнозначной и никак одна не перевешивала другую. Одна половина ближников ратовала, мол давай возьмём пацанов говно чистить. Выдюжат, приживутся, не хай, воевать научим со временем. Не выдюжат, да и хрен с ними. Другая половина противилась. Наступает самое жаркое время года. Житуха и так будет впроголодь, а тут ещё четыре коня и четыре молодых рта, что вечно будут хотеть жрать.

Уйти из этих мест ближе к морю, где корма для лошадей вдоволь и охота на зверя есть, Матерь не велела, хотя если прижмёт, всё равно поближе к воде придётся откочёвывать или чаще посылать разезды не только для пригляда, но и для пополнения продовольственных запасов, а эти только обузой будут и толка от них как с козла молока, вред один.

Долго рядились мужики, но к всеобщему облегчению проблема разрешилась сама собой. К вечеру, неожиданно, по следам прибывшей четвёрки прискакал девичий отряд мужененавистных воительниц.

скифских народов. Персы же этим именем называли абсолютно всех представителей Великой северной степи.

¹⁶ Мидийская разновидность денег.

¹⁷ Касакская орда – боевое подразделение степного воинства. По современным понятиям – вооружённое бандформирование со строгой иерархией и жёсткими неписанными законами. Как правило являлось межнациональным или собиралась по принципу землячества.

Группа молодых красавиц представляла собой небольшой, всего пять троек, слаженный отряд. Куда, зачем и с чем возвращались, естественно, никто не спрашивал, они и не сказывали. Было понятно, что таким количеством могли либо кого-то куда-то сопровождать, в виде боевого эскорта, либо ездили кого-то встречать или катались за какими-то нужными вестями и получив информацию возвращались обратно в своё стойбище.

Асаргад конечно же про подобных боевых дев рассказывал своим новым друзьям и предупреждал, как предупреждал его отец, что с этими милыми девочками вообще дело иметь нельзя, даже нежелательно приближаться к этим «смертоносным змеям» на полёт стрелы.

Мужчин они люто ненавидят и как отец пугал, режут представителей сильного пола без зазрения совести, а по некоторым слухам ими же и питаются. Но одно дело слушать байки у костра, и совсем другое воочию наблюдать это чудо степей. Молодые, стройные станом, грациозные в движениях и обворожительно красивые, они буквально заморозили молодых людей, впервые столкнувшихся с девушками, абсолютно не вписывающихся в их стереотипы.

Правда боевые девы оказались совсем непохожи на тех, про которых знал Асаргад. Отец рассказывал о золотоволосых и белокожих, а эти смуглые, с раскосыми глазами и с волосами как воронье перо с отливом. Лица и руки у воительниц расписаны тонкими золотыми узорами, что предавало красавицам налёт сказочности и нереальности.

Асаргад от греха подальше постарался спрятаться за коня. Эбар последовал его примеру, только высокородные этого не сделали, а зря. Хорошо хоть Гнур лишь разинув рот просто разглядывал, а вот Уйбар, толи забыл всё что ему Асаргад про них рассказывал, толи не поверил, толи просто по привычке, а как известно привычка – дело необоримое, взял, да и полез к ним с разговорами. Познакомиться, видите ли, он захотел.

Закончилось это для урартца разбитой в кровь головой, заломленными за спину руками, связанными в локтях, непонятно куда исчезнувшими штанами и петлёй на мошонке из тонкой конской верёвочки, которой молодого повесу привязали к конскому хвосту одного из скакунов воительниц, и в таком неприглядном виде приготовили тащить пленника к себе в логово, как бычка на привязи.

После Уйбара, и на Гнура накинулись, в какой-то момент дёрнувшегося на защиту друга, но лишь проявив намерение, на действия горец всё же не решился. Девы позубоскалили, провоцируя молодого красавца на ответную грубость, но у того хватило ума промолчать и проглотить обидные слова, хотя было видно, что держался гордый сын вождя на последнем пределе.

Это небольшое стойбище посреди голодной степи, как оказалось предназначалось именно для таких вот странствующих боевых подразделений в первую очередь, и являлось некой перевалочной базой, где курсирующие небольшие летучие отряды орды отдыхали, пополняя запасы воды и еды.

Старшая этих ненавистниц всего мужского, о чём-то коротко переговорив с атаманом оазисного стана велела девам пить, перекусывать и отдыхать, сама, в отличие от своих подопечных отправилась в специально предназначенный гостевой шатёр.

Атаман, сопровождая воительницу заикнулся по пути о четвёрке молодцев, приставшей к его стану, но старшая толи устала с дороги, толи ей по жизни на такие мелочи было наплевать, но хозяйину стойбища ничего не ответила, сделав вид что не услышала.

Глава стойбища с раболепным видом проводил воительницу до самого входа в шатёр, где гордая и заносчивая мужерезка скрылась, а он так и не решившись последовать за ней и не получив приглашение, на которое явно рассчитывал, тут же ретировался и с грозным видом командира пошёл по стану раздавать указания налево и направо, вымещая зло на подчинённых.

Девы её отряда ночевали прямо в степи у костра. Уйбар, как провинившейся, так всю ночь и проходил с голой задницей за конём, к хвосту которого был привязан за мошонку, но правда, сняв штаны, девы обули мужчине сапоги. И на том спасибо. Его друзья тоже не спали и всю ночь, строя планы освобождения Уйбара с последующим бегством, но мужерезки

оказались на чеку, постоянно дежуря по три вокруг своей стоянки, да и кони от них далеко в степь не отходили, топтались тут же как привязанные, хотя их даже не стреножили.

Что за время унижительной ночёвки успел передумать Уйбар, он никому не рассказывал, а когда кто-нибудь из них вспоминал об этом инциденте, то несмотря на весёлость до этого, замолкал и уходил в себя. Друзья старались никогда не обсуждать совместно пережитого позора.

Асаргад же забыть своих чувств о первой встрече с мужерезками не смог просто по тому, что не мог этого сделать физически. Гремучая смесь страха, ужаса, долга и совести. Вставшие дыбом волосы и дрожь во всём теле, как клеймо запечатлелось у него в голове и устойчиво прицепилось к образам мужененавистных дев.

С рассветом старшая беззвучно выскользнула из шатра, проплыла словно тень мимо Асаргада с друзьями. Подошла к привязанному Уйбару и срезав плетённый канатик конского волоса освободила пленника и что-то ему высказала. Уйбар только слушал и словно болванчик кивал. Наконец по её знаку мужчине вернули штаны, и он, торопливо их натянув кинулся к друзьям, с нетерпением ожидавших развязки этой нервной ночи.

– Быстро собираемся, – чуть ли не заорал шёпотом подбежавший урартец, лихорадочно мечась в поисках своего седла и мешка, – они нас в главный стан отведут.

Друзья сначала тоже кинулись собираться, но с явно другими планами действий и когда услышали, что Уйбар в такой спешке собирается исключительно из-за того, чтобы не отстать от этих проклятых за ночь всеми словами дев, встали как вкопанные.

– Ты что сдурел? – прошипел Гнур делая при этом безумные глаза.

– Друг, – чуть не плача ответил ему бывший узник, – поверь, если она сказала, что мы должны следовать за ними, лучше так и сделать или мы не жильцы на этом свете.

Все четверо действительно по-настоящему напуганные, больше не задавая вопросов кинулись седлать коней, только в спешке их дальнейшее путешествие показалось им мытарствами по стране дэвов,¹⁸ потому что ни один из них не позаботился ни о пище, ни о воде, запасы которых друзья за бессонную ночь ликвидировали.

В прохладе утра девы шли по степи бодро. Отряд молодых людей еле поспевал за ними держась на расстоянии, но, когда солнце стало припекать, передовой отряд скорость сбросил и пошёл шагом.

На первую стоянку встали, когда солнце достигло зенита. Только тогда спешились и расседлали коней давая им отдых. Собравшись кучкой на сухой как камень земле, принялись наконец пытаться Уйбара по поводу того, что же старшая из дев ему наговорила.

Урартец не сильно стал распространяться о выволочке, устроенной ему, но объяснил, что наказали его за то, что позволил себе хлопнуть коня девы по крупу. Оказывается, у них это равносильно хлопку по задку самой девы и таких выходок они никогда не прощают. Но старшая, видя их молодость и полное незнание законов, решила их как «детей малых» на первый раз оставить в живых, лишь примерно наказав.

Пока мужчины шушукались к ним неожиданно и абсолютно беззвучно подошла одна из дев, и заметили они её лишь когда та устав ожидать на себя реакцию, хлопнула в ладоши.

– Где ваша еда и вода? – спросила она красивым разливающимся девичьим голоском.

Все как один языки проглотили и молча потупили взгляды в землю.

– Бестолочи, – тут же констатировала она всё тем же голоском нежного цветка, развернувшись и не издавая ни одного звука, странной скользящей походкой пошла обратно.

Кто-то из мужчин поразился её точёной фигурке, кто-то нежностью её голоса, а Асаргад поразился её беззвучности, тут же сделав вывод, что это не отряд сопровождения как изна-

¹⁸ Дэвы, дивы – сверхъестественные человекоподобные существа, имеющие вид великанов. Присутствуют в тюркской (азербайджанской, башкирской, татарской и др.), иранской, славянской, грузинской мифологиях и в зороастризме – злые духи.

чально подумал, а скорее всего разведчики, которые даже в обычной повседневной жизни передвигаются словно крадутся. Видимо по-другому уже не могут.

Некоторое время спустя к ним так же, не издавая звуков подошли две девы таща большую кожаную суму, наполненную водой, но пройдя мимо вскочивших на ноги мужчин, прошли к их коням и зашипев по-змеиному, в одно мгновение собрали скакунов вокруг себя будто домашних собачат на кормёжку.

Пошикивая и посвистывая выстроили толкающуюся скотину в очередь и развязав мешок принялись их поить. Притом давали каждому строго определённое количество, управляя четвероногим зверьём исключительно странными на слух звуками.

Остатки кинули Уйбару. Вдоволь там было не напиться, но промочить засохшие глотки получилось. Пили друзья под двумя ничего не выражающими взглядами вполне милых, если не сказать красивых дев, поэтому делёж воды прошёл мирно, без драки. Забрав пустой мешок одна из воительниц почти таким же голоском весеннего цветка, как и у той, что подходила первой, проговорила:

– Когда солнце будет вон там, – и она указала пальцем на точку неба, – доберёмся до воды. Речка будет.

Девы ушли. Мужчины облегчённо выдохнули.

Так в смешанном состоянии позора, страха, любопытства и не понимания своего туманного будущего молодые люди безропотно двигались куда-то туда, куда их вёл девичий отряд. Вскоре выжженная степь превратилась постепенно в бушующий травяной океан. Дышать стало легче.

Мелкая речушка с мутной и тёплой как моча водой не шла ни в какое сравнение с их горными реками, но вполне оказалась пригодной для того чтобы утолить жажду как самим, так и коням, показавшись путешественником в раскалённой и высохшей степи подарком самого Ахурамазды. А в конце дня, форсировали довольно большую реку и старшая, когда наконец горцы выкарабкались на противоположный берег, подъехала к горемыкам и спросила назидательным тоном:

– Урок усвоили?

Те в ответ лишь молча кивнули, опустив головы.

– Вот и хорошо. Привыкайте. Вы в степи, а не у себя в диких горах. Здесь правят законы и их надо знать и соблюдать. Исключения из этих законов нет ни для кого, даже для царей. Перед законами степей равны все.

После чего указала друзьям направление, куда им следует двигаться, однозначно давая понять, что наконец-то их пути расходятся.

Первое время раздельного путешествия Асаргад с друзьями никак не мог поверить, что эти девы-звери их вот так просто взяли и отпустили. За эти два дня они настолько свыклись с тем, что стали если и не рабами, то боевым трофеем этих воинствующих мужерезок, что никто даже не поверил в такое простое окончание мучительного перехода.

Какое-то время всё так же ехали молча, то и дело украдкой озираясь по сторонам, но, когда поняли, что свободны, устроили самую настоящую истерику.

Больше всех убивался Уйбар, которого наконец, прорвало и он, собирая все ругательства какие только знал, а какие не знал то тут же придумывал, выливал их на мерзких баб, грозя им отомстить всякими жуткими карами.

Лишь Асаргад удержался от высказываний, а просто взяв власть в четвёрке в свои руки, скомандовал привал прямо посреди чистого поля, чтобы успокоиться и собраться с мыслями перед дальнейшими испытаниями, а то что они будут, уже даже не сомневался. Всех остудила его безальтернативная фраза:

– Успокойтесь. Обратного пути у нас всё равно уже нет. Мы просто не сможем одолеть обратную дорогу без еды и воды. Или мы идём до конца, или убивайте себя сами, я вам не помощник.

Все тут же угомонились, задумались и со зверскими рожами завалились в траву спать. Бессонная ночь давала о себе знать, только жрать хотелось дико, но есть было нечего.

Глава третья. В поруби сидеть, не камни в гору переть. Заперти не надорваться с натуги, зато на горке не свихнуться со скуки.

Темнота в бане, куда закрыли Райс была хоть глаз коли. Снаружи о стену что-то долго брякало. Складывалось такое ощущение словно заваливали вход большими брёвнами, и с каждым ударом звуки снаружи становились всё глуше и вроде как дальше. Толи Матёрые, запершие её отдалялись, толи она с этой баней проваливалась в тартарары.

Затем всё смолкло и наступила мёртвая тишина. С непривычки от такой звуковой изоляции даже в ушах зазвенело и засвистело на разные лады. Рыжая прощупала толстую входную шкуру, где при входе так и оставалась стоять как вкопанная, всё ещё не смирившись с действительностью и не веря в своё заточение. Так деву ещё ни разу не наказывали.

Настороженно прощупав вход поняла, что и впрямь заложили брёвнами и так плотно законопатили, что не только лесной шум сквозь них ни проникал, но и воздух не просачивался.

Райс наощупь принялась изучать окружение. Как по ней, то внутри эта тюремная баня показалась меньше, чем выглядела снаружи. Полог, выстроенный на всю длину, устелен мягкими шкурами, и меха навалены не в один слой, что наталкивало ярицу на мысль о подготовленном спальном месте.

У входа стояла кадка-долблёнка полная воды. В ней нащупала питейный черпак, плавающий словно лодочка, говоривший, что вода предназначена для питья, а не для банного камня с коего пар вышпаривают. Она тут же проверила питьё на вкус. И действительно вода чистая, свежая, холодная до ломоты в зубах словно родниковая.

Баный камень лежал тёплым, даже терпимо-горячим по ощущениям. Осторожно обшарив его руками нашла глиняный горшок, и сунув в него любопытствующий нос определила, что в нём оставлена еда. А пронюхав как следует даже определила по запаху напаренную кашу, притом отчётливо поняла какая именно.

Пахло вкусно, заманчиво, но рыжая не чувствовала голода, поэтому блюдо оставила на потом, а сама продолжила обследование тюремного помещения путём дальнейшего прощупывания всего до чего дотягивалась в этом абсолютно тёмном пространстве.

В дальнем от входа углу обнаружилась помойная лохань. Сухая, благоухающая свежеструганным деревом. Райс даже рукой пошарила внутри, не понятно-что, выискивая, но лохань оказалась пуста словно только что выстругана и поставлена.

Пол под ногами – сушенная глина, утрамбована до твёрдости камня. Стены с потолком бревенчатые и так ладно подогнаны бревно к бревну, что и дыры не прощупывались в стыках, словно единый монолит, будто вот так и выросли, сросшись друг к другу. Обойдя вокруг и излазив все углы, завершив проверку ярица сделала вывод: «Прям посадили со всеми удобствами».

В бане чувствовалось приятное тепло, будто её сутра нагрели, а теперь она медленно остывала, и усердно лазая по её внутренностям девонька слегка упарилась. Оттого скинула с себя рубахи, шитые золотом, раздеваясь догола растирая взмокшее тело и почувствовав ни во что не одетую свободу сладко потянулась стройным девичьим станом.

Сложила рубахи на пологе у входа и забралась в мягкие меха, свив из них у стенки целое гнездо. Развалилась, расслабилась в неге, ощущая нежность шкур голым телом, обволакивающих мягкостью пуха. Расплылась в довольной улыбке, закрыв в окутавшем блаженстве глаза...

Проснулась резко, даже вздрогнула от непонятной внутренней тревоги. Темнота беспросветная, тишина полная. Сон слетел, как и не было. Сразу вспомнила, где находится. Села, ноги под себя подобрала, прислушалась. Ни единого звука ни откуда. Даже приложив ухо к

тёсаному бревну не смогла услышать ни одного шороха, что хоть отдалённо бы нарушал безмолвие, словно в раз оглохла на оба уха.

Протерев спросонок слипшиеся глаза и повертев головой, не обнаружила ни единого светлого проблеска. Даже мизерной искорки, даже крохотного пятнышка в глубине черноты. Сколь бы ни всматривалась и как бы не тарасила зенки, ничего не смогла разглядеть.

Тут от натуги захотелось по-маленькому. Вспомнив про помойную лохань, наощупь двинулась в дальний угол. Та стояла на месте, никуда не делась. После справления естественной нужды придерживаясь лежака подкралась к другому краю, к выходу, решив, что пора одеться и приготовиться к встрече гостей, что за ней вот-вот придут и выпустят на свободу.

Но тут её ожидал первый сюрприз. Одежды на том месте, где оставила, не оказалось! Дева ленно и нехотя, ещё не отойдя как следует ото сна охлопала полог вокруг, с каждым ударом сердца заводясь нешуточной тревогой, а в конце концов доведя себя до истерики принялась искать свои рубахи с остервенением. Обрыла лежак, сначала скопом перемешивая шкуры, затем перетряхивая по одной. Облазила пол на корячках, зачем-то ощупала стены, но так и не нашла рубах, расшитых золотом, словно сквозь землю провалились или испарились в банном воздухе.

Зачерпнула черпак студёной воды. Попила, остужая разгорячённое поисками тело изнутри. Остатки плеснула в лицо и бросив ковш обратно в колоду, размашисто утёрлась рукой чуть ли с плеча.

Прокралась к камню, нащупала горшок. Залезла в него носом и тут сразу поняла для себя причину всего непонятного. Пока она спала, здесь кто-то похозяйничал. Каша в горшке имелась, но другая, не вчерашняя! Ложка, утопленная в еде, приглашала отведать угощение, отчего на этот раз Райс не стала отказываться. Наклонилась над глиняной посудинкой и наскоро закидала в себя половину содержимого горшка, оценив кашу как «совсем неплохо» для кормления пленной царской дочери.

После приятной и вкусной процедуры вновь вернулась на лежак закутываясь в шкуры, по ходу тут же убедив себя, что одежду как почистят, доставят ей лучшим в виде. На том сама себя и успокоила.

В общем-то, если бы не полная слепота и давящая глухота, условия для отсидки наказания оказались в высшей степени царские, что вполне порадовало кутырку на сытый желудок, да ещё не плохо выпавшуюся. Она обустроила меховое гнездо и развалившись в пушистой неге задумалась.

Первое, что вспомнила ярица – вчерашняя бабья пьянка. Ой, не понравилось рыжей поведение маминых ближниц, особенно воинственных Матёрых. Вели они себя уж больно нагло и вызывающе. Нарочито пренебрежительно к её почти «царскому величию». Она никогда ещё с подобным не сталкивалась в своей жизни.

И что самое обидное, от них не было никакой защиты, так как главная защитница – мама родимая, сама же их пьяный разгул и возглавляла. Хоть бабы и напились, но забыться настолько и притом вот так все разом, что-то это не похоже на просто так. Что же произошло? Во что она опять влипла?

А может это не у мамы терпение лопнуло, а у её ближниц, распоясавшихся матершинниц? Вот они и навалились на царицу гуртом и потребовали наказания дочери? Да Райс вроде ни у кого из них на мозолях не прыгала и соли на их раны мешками не сыпала.

Ну, подумаешь дочерей кой-кого пару раз прижала да попинала слегка для лучшего понимания кто у неё в шатре самая главная. Ну, по шее кой-кому врезала. Ну, фингалом наградила, выбив пару зубов. Так те сами виноваты, куры бестолковые. Она же им сразу, притом добром сказала, чтобы не лезли к ней со своей слюнявой дружбой. Она же их в подруги ни звала, ни приглашала, ну и нечего набиваться. Это ж Райс самой решать кого к себе приблизить, а кто пускай пока погуляет в сторонке.

Потом вспомнила Такамиту и Шахрана-дрища, вечно укутанного в балахон. Подумала про коня Ветерка, единственно настоящего любимца, а следом закружилось в голове сладостное безумие. Замелькали калейдоскопом девичьи мечтания. А как же без них девке её-то возраста?

Вот представила она себя Великой Воительницей, ведущей в бой бесчисленные девичьи орды. Супостаты как один разбивались её преданным войском, пленялись армии и целые народы падали на колени. Неугодные Великой и Ужасной лишь по взмаху руки исчезали, как и не было, а она вся такая в золоте, Непобедимая и Величественная гарцевала на своём Ветерке как царица Небес. Нет, царская дочь не воспринимала себя пупом земли, потому что это было для неё мелко и не достойно её величия. В своих мечтах рыжая стояла на одной ноге с богами, а может и повыше, по крайней мере указывать они ей побаивались.

Эти мысли о себе Великой и Всесильной занимали почти всё время необузданных мечтаний, что не позволяло деве размышлять о истинных реалиях и задаться как положено при наказании нужными вопросами, требующими покаяния и внесение изменений в своё недопустимое поведение.

Долго она в мыслях билась с вражьиими полчищами, вертясь с боку на бок и в азарте размахивая руками. Мимоходом сквозь нескончаемые бои, как-то само собой Великая Воительница решила, что вроде как снова хочет есть. Сползла к банному камню, нащупала горшок. Зачерпнула ложкой содержимое и закладывая в рот, продолжая при этом мозгами витать в розовых облаках... резко опешила, даже как жевать забыла, замерев от неожиданности. В горшке, вместо недоеденной каши отыскала мелкорубленое тушёное мясо с пряными пареными кореньями!

Райс настороженно оглянулась в крошечной темноте без единого просвета. Прожевала захваченные в рот куски, опустила деревянную ложку обратно в глиняную посудину. Кто-то поменял еду, притом, только-что. Но ведь рыжая и глаз не сомкнула на этот раз, не спала как в прошлый раз. Оттого обязательно должна была незваного гостя или здешнего хозяина заприметить. Ну или по крайней мере, если не глазом узреть, то хоть слухом уловить того, кто обновил горшок.

Непонятно что заставило деву подойти к лохани, но Райс, нащупав бадью для начала потрясла, а затем и понюхала свои отходы. Но девственно чистая лохань, благоухала струганным деревом. Будто кто старую забрал, а новую выставил.

– Кто здесь? – тихо, с дрожью в голосе вопрошала она перепуганным шёпотом, при этом всматриваясь непонятно куда и прислушиваясь изо всех сил непонятно к чему.

Но в ответ, звенящая тишина. Всё такая же пустая и пугающая. На трясущихся ногах, подкашивающихся в коленях, она двинулась наощупь к входу, по пути хлебнув колодезной воды, что ни в какую не нагревалась тёплой бане. В очередной раз плеснув остатками в лицо, привела себя в адекватное состояние, отгоняя страх, зарождающийся в животе.

Входная шкура как висела, так никуда и не делась, запечатывая выход к свободе. Закладные брёвна тоже отчётливо прощупывались, никто их не растащил на дрова. Прижалась спиной к стене. Руки, ноги со страха потрясывает. Пленница, набравшись смелости по новой спросила темноту, надеясь на хоть какой-нибудь ответ:

– Банник,¹⁹ это ты?

Но никто не ответил, сколько бы рыжая не мучилась в ожидании. Тут вдруг пришли на ум мысли о нудных учениях, которые кутырка всегда считала ненужными. Попыталась припомнить хоть что-нибудь про банные ритуалы, да и о самом баннике как полужити.

¹⁹ Банник – домашняя полужить (полужить – потусторонняя сущность, порождённая человеком). Первоначальные функции к этому времени были уже размыты, но главная – связь с предками оставалась. Подробней в первой книге.

Только, как назло, ничего не вспоминала её бестолковая головушка, поражая хозяйку своей пустотой и паутиной забвенья в углах памяти. Да и как могла она что-то вспомнить из того, что пролетело сквозняком, влетая в одно ухо и вылетая в другое. Как нельзя забыть того, чего вовсе не знал, так нельзя вспомнить то что в бестолковой голове ни на мгновение не задержалось.

Постояв недолгое время без движения Райс настороженно и скованная страхом, неожиданно почувствовала, что в бане вроде бы как холодно стало. Толи от входа дуло, хотя сквозняка не чувствовалось, толи от страха зуб на зуб не попадал.

Дева с опаской нащупала трясущейся рукой край лежака и так же не торопливо, затаив дыхание забралась в мягкие шкуры, то и дело по пути протягивая руки вперёд и по сторонам, всякий раз ожидая кого-нибудь нащупать, но ярица по-прежнему оставалась одна в этом поруби, законопаченная от всего мира.

Свив заново гнездо, только на этот раз пристроившись в самом углу, прижалась спиной к бревенчатым стыкам, чтобы обезопасить тылы. Отдышалась, прикрывшись шкурами и немного успокоилась. Выждав длительную паузу, но не дождавшись сторонних раздражителей принялась в очередной раз вызывать того, кто хозяйничает в бане.

Сначала робко спрашивала, трепеща осиновым листом. Затем умудрилась обидеться, что кто-то невидимый не желает, видите ли, разговаривать с царской дочерью. Разойдясь, принялась требовать. И в конце концов, распалилась в негодовании настолько, что в истерике принялась горланить диким ором на невидимого наглеца, нежелающего с ней разговаривать. Угрожала ему казнями, от одного лишь описания коих у самой рыжая шевелюра вставала дыбом, представляя воображаемые ужасы как наяву.

Выплеснула сторяча все ругательства в большинстве своём матерные, хотя и не матерные тоже все собрала, что вспомнила. В самом конце окончательно охрипнув от собственного поносного ора, перешла на слёзные мольбы, а когда закончился и этот запас, разревелась в сиплый голос, выплёскивая весь напряг горькими девичьими слезами. А поревев от души, успокоилась и обессиленная уснула ...

Пробудилась дева так же, как и прошлый раз. Вокруг ничего не поменялось. Всё та же темнота и безмолвие. Сон слетел порывом, и она совсем его не помнила. Только сейчас стало по-настоящему страшно. Рыжая неожиданно вспомнила, будто кто осознано толкнул в голову мысль, что ярицы молодятся по законам Троицы только одну заповедную ночь, а она сидит взаперти почти уже третий день как минимум.

Вопросы запрыгали лихорадкой и все как один канули без ответа. «Что за дела? За какие грехи заперли в темницу? Как долго будут держать? И что надо сделать чтобы выпустили?»

Истерика началась, по сути, с самого пробуждения. Дочь степной царицы принялась биться в бревенчатые стены. Колотить от отчаянья кулаками лежак. Неистово терзать входную шкуру, закрывающую путь к её свободе. Долго кричала, настоятельно у кого-то требуя, чтобы выпустили немедленно или хотя бы кто-нибудь откликнулся. Но её метания оказались напрасны. Темнота с тишиной оставались беспросветными, равнодушными и безучастными.

После выплеска ярости навалилась серая апатия. Мысли разом покинули рыжую голову, да и силы за одно, превратив мускулистое натренированное тело в дряблый кусок жёванной плоти. Райс, забившись в угол на пологе, просто сидела сиднем уставившись «в никуда».

Долго ли коротко ли она тарасилась в темноту, находясь в аморфном состоянии, кутырка не помнила, но закрутивший ни с того ни с сего живот, позвал к струганной лохани, выводя деву из глухого ступора.

Несколько придя в состояние адекватности, Райс устроила помывку завядшего тела ледяной водой из вечно наполненной кадки. Лишь основательно замёрзнув и приведя себя в привычный героический тонус, вновь зарылась в мягкие шкуры обсыхать и греться. Процедура с бодрым купанием вернула ярицу к живой активности, и она принялась заново обдумывать

сложившуюся ситуацию, только, как и в первый раз все её размышленья пошли по проторённой дороге, уводя рыжую в мир бурной фантазии о себе любимой.

Только вот в какой-то момент фантазии неожиданно пресеклись будто кто её вытянул за шкуру из мира безудержных грёз. Дева неожиданно осознала, что делает это как-то «не по-своему». Царская дочь в причудах всегда видела себя на месте Матери степных народов и последние помыслы не являлись исключением. Вот только дева не просто мечтала о безграничной власти и могуществе, о лихих походах в сказочных странах, далёких и манящих экзотикой, а неожиданно для себя задумалась над решением проблем, что множились горами, как бы вырастая из-под земли то там, то сям в её немереном царстве. И все эти проблемы как одна оказались какие-то не правильные, ставившие молодую царицу в тупик, что никак не походило по определению на безоблачные девичьи фантазии, и ей это не понравилось.

Выгнанная непонятно кем из собственного мира грёз, она неожиданно взглянула на себя со стороны и ужаснулась той несуразности её сегодняшней и правительницы народов в своих мечтах. Это было первое шокирующее открытие здешнего сидения: она без мамы и её ближниц – никто, неспособная пока вообще ни на что путное.

Эта мысль настойчиво впёрлась в сознание, даже не спросив на то разрешения у хозяйки. Стало обидно. Перебирая в голове, что ещё не знает из нужного и не умеет из того, что обязана уметь любая правительница, дочь великих царских супругов пришла ко второму нерадостному выводу, что оказался явным и предсказуемым. Райс даже несказанно удивилась, подумав, а где же были её мозги раньше-то?

Она тут же вспомнила, что мама никогда не заставляла заниматься боевыми науками. Райс осваивала их самостоятельно просто потому, что в этих делах у неё всё получалось, а значит нравилось. Мама тащила дочь чуть ли не за уши заниматься потусторонними науками, познавать колдовской и неведомый мир, настоятельно тыкая носом в это ученье.

Только Райс как могла увёртывалась, потому что там у неё всё валилось из рук, поэтому и не нравилась эта «нудятина». Только теперь, посаженная в чудо-место, насквозь пронизанное колдовством, Райс на собственной шкуре почувствовала, как же мало она об всём этом знает. Как слаба и незащитна перед потусторонними силами в этой колдовской поруби. Куда уж там воротить страной, которой ведь не просто так управляют именно клан «меченых».

Тут же посетил парализующий вопрос, заданный мимоходом самой себе: «А что, если я ни выйду на свободу пока не разрушу чертог заточения своим колдовством?». И поняв, что если это так и задумано, то ей тут, бездари, сидеть целую вечность, отчего вновь принялась горестно рыдать от собственного бессилия ...

Очередное пробуждение оказалось тяжкое и ни в какую неподъёмное. Сначала никак не могла проснуться и отделаться от сна. Каждый раз вроде просыпаясь, только тут же засыпала снова. Наконец, окончательно проснулась, но не желая вылезать из шкур долго ворочалась. И только позыв к помойной лохани заставил деву спуститься с полога. Попила воды. Умылась, плеснув остатками в лицо. Уселась, скрючившись в три погибели на полог и начала мучаться от безделья.

Мука оказалась по хлеще пытки, невыносимая. Глазами ничего ни видно, ушами ничего ни слышно, лишь сама с собой наедине и своими мыслями. Чокнуться можно от такого сочетания.

Тут пришла в голову радостная идея. Она нежданно-негаданно нашла себе занятие! Райс решила устроить физическую тренировку. Загрузить, так сказать, и тело, и разум усталостью мышц. «Точно», – рассудила рыжая и тут же принялась задуманное воплощать в жизнь.

Принялась делать растяжки с размашками, отжималась, скакала и делала всё что смогла выдумать своей причудливой фантазией. К тому времени своего сидения она уже мало-мальски ориентировалась в замкнутом пространстве. Благо оно не менялось колдовским образом, как та же еда по три раза в день.

Прошло достаточно много времени, пока молодая и здоровая дева устала окончательно. Запыхавшись от физических упражнений и загнав сердечко до галопа, она закончила свои занятия обливаясь с головы до ног ледяной водой из жбана, по-прежнему заполненного доверху. Утёрлась шкуркой из своего спального гнезда и опять пристроилась на пологе отдыхая и думая, чем бы ещё заняться от нескончаемого безделья.

Царская дочь обрадовалась, даже почувствовав голод, посчитав что это тоже какое-никакое занятие. Лишь опустошив горшок на добрую половину, где в этот раз парил наваристый грибной суп, забралась назад в свой обжитый уголок, и в который раз принялась маяться от ничего неделания, даже тихонько повыла от безысходности ...

Райс уже давно потеряла счёт времени. Она уже не понимала день или ночь за пределами бани. Если в первые дни она как-то пыталась определять время суток, то теперь ей стало наплевать. Тут в пустой башке впервые промелькнула нехорошая мысль: утопиться в жбане с колодезной водой, потому что терпеть эту муку становилось невыносимо.

Кутырка, с присущей ей фантазией тут же в красочных картинках представила себе все последствия. Как мама убивается в слезах вырывая свои роскошные волосы, вскрыв проклятую тюрьму и найдя безжизненное тело дочери. Как ближницы заламывают в горе руки, и как папа делается черней тучи, и как всеобщее безутешное горе накроет всю Великую Степь. Ком обиды за себя любимую мгновенно сдавил горло, и она зарыдала навзрыд. Скорбь по самой себе стала безмерной...

Реки слез, тёкшие по мордашке, резко прервала неожиданная мысль: «А вдруг там снаружи, что-то стряслось? Вдруг меня не забыли, а просто уже некому снаружи отпереть? Надо самой отсюда выбираться». Озарённая таким простым открытием Райс аж подскочила, спрашивая себя в голос:

– А чего же ты раньше-то сидела, дура тупая?

Вопрос прозвучал словно в опростанной бочке, резанув не только нежные уши, но и ободренные догола нервы.

Рыжая психанула на себя вскакивая на ноги и принимаясь лихорадочно прошупывать тонкими пальцами плотные стыки тёсаных брёвен стен и потолка. Выдирала оттуда что-то непонятное, то, чем эти щели законопачены, стараясь во что бы то ни стало добраться до крохотного источника света, что блеснул бы спасительным лучиком. Только из затеянного ничего не получилось, кроме того, что ногти обломала. А когда в конце концов вогнула занозу под кожу, то бросила это никчёмное дело и переключилась на входную шкуру. Пыталась ни то что совсем сорвать, а хотя бы вытянуть край.

Провозившись с ней какое-то время, и в конечном итоге плюнув и на эту затею схватила питьевой черпак и принялась рыть подкоп под проёмом, где брёвен не должно было быть. С остервенением долбила окаменевшую глину, пока деревянное орудие труда не раскололось и ни рассыпалось в щепки.

Как же она изумилась, когда, вгрызаясь в утрамбованную землю огрызками черпака, как «лбом об стену» наткнулась на огромные брёвна, вкопанные под земляным полом, притом зарытые не вдоль, а уходившие вертикально вниз на непонятную глубину. Ярица взвыла от безысходности и окончательно психологически сломалась.

Впав в необъяснимую прострацию, дева совсем перестала есть и пить, и даже в помойную лохань по надобности ходить. Завалилась на показавшийся уже нечувствительным бок и ни о чем ни думая, ни мечтая, да и вообще с отсутствием каких-либо желаний, распласталась тряпичной куклой в шкурах на пологе, теребя обрывки мыслей ни-понять-о-чём, что сами собой куролесили в голове. Будто это не она, а кто-то другой думает за неё. Как долго прибывала в том непонятном состоянии полного отупения Райс не помнила, но ей показалось это вечностью...

Вывел деву из оцепенения на грани гибели далёкий гулкий звук от входа, будто брёвна друг о друга елозят. Кутырка лишь приоткрыла опухшие веки, устало взглянув в направлении

очередной галлюцинации, что начали накатывать в последнее время и на которые дева уже практически перестала реагировать. При этом ни пошевелилась и ни дёрнулась, словно у неё уже всё внутри полностью омертвело.

Лишь когда из поля зрения исчезла шкура, закрывавшая выход, а в её темницу хлынул солнечный свет, ударив нестерпимой резью по глазам, еле-еле поднялась на дрожащем локте, щурясь и во что бы то ни стало, стараясь сообразить, что перед ней, очередной глюк или реальность?

Яркое пятно света никуда не исчезало и продолжало нещадно слепить, причиняя боль, одновременно приводя отупевшую кутырку хоть в какое-то сознание, с приходом которого начало адаптироваться зрение и Райс уже отчётливо могла различить открытый входной проём. Только он пустовал. Никто в неё не появлялся. Вернее, ярица никого не видела. Она вообще ничего не могла разглядеть снаружи кроме ослепительного сияния сквозь постоянно льющисся слёзы.

И тут Райс каким-то внутренним наитием поняла, что это не реальный солнечный свет, а божий, потусторонний, явившийся к ней в качестве приглашения на суд Троицы за все её былые прегрешения. Кутырка тяжело вздохнула, неспешно выползла из шкур, полностью прикрыв ладонью опухшие глаза и направилась в нестерпимо болезненный свет, резавший даже по закрытым глазам до боли в маковке. А тут ещё на уши обрушился шквал звуков, и рыжая, растерявшись от неожиданности со всей силы зажмурила слезящиеся глаза и заткнула ладонями уши.

Стояла она в проходе долго, привыкая к забытым звукам, что со временем через прижатые ладони стали превращаться в знакомый шум леса с безудержным и самозабвенным пением птиц. Райс медленно убрала от ушей ладони, вытирая ими мокрое от слёз лицо. Звуки птиц ворвались в голову сильным и резким ором, но постепенно становясь терпимым.

Утерев слёзы, принялась за зрение. Сильно щурясь и загораживаясь ладонями, постаралась приоткрыть веки. По глазам прошла болезненная резь и вновь хлынули слёзы. Только уставившись под ноги стала различать траву. Слёзы по ресницам капали вниз, а зрение постепенно стало возвращаться к пленнице.

Наконец, по-прежнему щурясь и прикрываясь одной ладонью, а второй рукой удерживая своё шаткое положение держась за проём, дева перевела взгляд вперёд и сквозь слёзную муть смогла различить трёх белых как снег вековух,²⁰ замерших прямо перед ней словно выструганные идолаы.

Они предстали во всём белом с головы до ног. С седыми словно покрытые инеем распущенными волосами, в длинных до земли светящихся белых рубахах и с высокими белыми посохами, что держали в скрюченных руках. Стояли вековухи молча, без какого-либо движения и внимательно разглядывали голую пленницу, будто чего-то ожидая.

То, что она попала на тот свет Райс даже не сомневалась и от этого осознания в душе почему-то стало легко и расслаблено. А чего дёргаться, когда уже всё кончено?

Глаза рыжей постепенно обвыклись, хоть и приходилось всё ещё сильно щуриться, но дева уже могла разглядеть их в деталях. Вековухи стояли хмурые, если не сказать злые ни пойми с чего, но это её тогда почему-то не удивило. Рыжую тогда больше интересовал вопрос сколько её мучили, прежде чем она умерла и поэтому задала его в слух измождённым голосом:

– Сколько времени я сидела взаперти?

Ответили ей не сразу, а через паузу, притом довольно длинную.

– Сколь надо, столь и сидела. Как положено, две седмицы.²¹

²⁰ Старухи. Женщины, вышедшие по возрасту из репродуктивного периода.

²¹ Седмица – неделя. Семь дней.

Тон вековухи показался наглый и злобный, что тут же заставил рыжую забыть о потустороннем мире, автоматически переходя в реальный.

– Всего две седмицы? – резко вскинулась в неопишемом изумлении и в первом эмоциональном возмущении после заключения бывшая узница, буквально вскипев от возмущения, полагая, что сидела там не меньше двух лун,²² и эти старые ведьмы её просто дурят.

Но вместо ответа на экспансивную реакцию девы, одна из вековух сама неожиданно потребовала ответ. Притом настолько жёстко и зло, будто обвиняла Райс по жизни во всех грехах, вместе взятых:

– Чё решила, непутёвая?

Царская Дочь даже дёрнулась как от хлёсткой и унижительной пощёчины, но тут же непонятным образом успокоилась и не раздумывая ответила. Притом сказала первое что пришло на ум и даже сама удивилась тому, что выдала. Словно это не она ответила, а кто-то за неё.

– Учиться мне надо. Я ещё ни к чему не готова.

Эх, бедовая. Знала бы тогда ярица, что ответь она как-нибудь по-другому, может быть для неё мучения на этом и кончились бы.

Голая рыжуха, заморённая сиденьем, уронила взлохмаченную голову, потупив взгляд и увидела, как к ней босыми ногами подошла одна из ведьм,²³ ведуний²⁴ или колдуний,²⁵ для неё тогда они были «все перемешаны в одном мешке». Погладила мученицу по растрёпанному лохмам, воткнула что-то в волосы и это оказалось последним, что запомнила Райс...

²² 1 Луна = месяц

²³ Ведьма (ведьмак) – человек имеющих нежитей (сущностей, порождённых природой) – покровителей. Для удержания нежити использовалась «кукла» в навершии посоха, поэтому посох или нечто подобное был обязательным атрибутом ведьмы.

²⁴ Предсказательница, знающая будущее, экстрасенс.

²⁵ Наделённая (одарённая) определёнными силами и умениями природных стихий.

Глава четвёртая. Чужая жизнь потёмки, а чужой мир вообще беспросветная ночь. Заблудиться можно так, что потом и себя не найдёшь.

Дикое Поле встретило новичков с далёких гор недружелюбно. Хотя никто из них на это и не рассчитывал. Вообще, степь предстала перед горными жителями странным, непонятым и необъяснимым сборищем абсолютно разных людей, живущих не по их привычным устоям, а по каким-то своим, поначалу совершенно невразумительным законам.

Асаргад, даже обжившись в будущем и много узнав про жителей бескрайних степей и прилегающих к ней лесов, так и не смог осознать всю эту пестроту общественного мироустройства, хотя очень старался их хоть как-то систематизировать, упорядочить и самое главное понять.

В конечном счёте он плюнул на попытку в этом разобраться и просто принял их жизнь как само собой разумеющуюся и не поддающуюся объяснению, не имеющую под собой некой скрытой для его понимания подоплёки и глубинного смысла общественного бытия.

Кроме ордынцев, собранных со всего света, водились здесь и коренные жители, что так же, как и его племя вели кочевой образ жизни. Только в степи, в отличие от его родины не было земельных ограничений. Здешние кочевники вообще не имели понятия о границах. Весь простор принадлежал им, и вместе с тем являлся для всех общим.

Жили степняки большими родами и назывались по имени главы рода, но понятия племени, объединяющего роды, у них отсутствовало. Хотя при этом точно знали какой род с каким родом в каких родственных отношениях находится. Даже уйдя далеко от исконных мест и встретив там незнакомые кочевья, с кем встречались впервые, садясь за общий стол и вспоминая предков, умудрялись находить родственные связи, притом аж по нескольким линиям и в нескольких коленах.

Больше всего Асаргада удивляло родство родов абсолютно непохожих друг на друга людей даже внешне. Одни походили на хорезмийцев²⁶ или согдианцев.²⁷ Скулистые и ускоглазые, со смуглым, как и у него цветом кожи и чёрными густыми волосами. Другие узколищые и белокожие как молоко, с волосами цвета меди, и к ним не приставал загар от солнца. Третьи светловолосые, кудрявые как барашки, тоже имевшую белую кожу, но загару поддавались. И все они умудрялись находиться в родстве между собой!

Кроме привычных Асаргаду кочевых родов, у степных рек жили оседлые, обладающие таким же завидным видовым разнообразием. Их селения не являлись городами, как у них в горах, не имели никаких внешних укреплений. Они строились большими и маленькими, с подземными жилищами и наземными, порой в два, три этажа. Их дома имели глиняные, каменные, деревянные и травяные стены вперемешку с глиной, но чаще всего встречались шатровые войлочные жилища.

Эти поселения имели огромные огороженные рвами, завалами и обрывистыми насыпями загоны с полудиким скотом, но при этом ближе к селению, в загонах поменьше, скот пасся вполне домашний. Дальше на север, где в степи появлялись островки леса, оседлых селений становилось больше и все как один деревянные.

²⁶ Хорезм – древнее государство и регион Центральной Азии, с центром в низовьях реки Амударья (область развитого ирригационного земледелия, ремесла и торговли). В настоящее время на его месте расположены Туркменистан и Узбекистан.

²⁷ Согдиана, Согд – древняя историческая область в Центральной Азии, в восточном междуречье Окса (Амударья) и Яксарта (Сырдарья), в центре Зарафшанской долины. Ныне на бывшей территории Согда существуют государства Узбекистан (где располагался центр Согдианы – город Самарканд) и Таджикистан (территория Согдийской области).

Встречались родовые оседлые поселения, но зачастую там селились разные люди, далеко не родственники между собой. По какому принципу селения образовывались изначально, Асаргад так и не понял. Любой, кому приглянулось место, мог испросить разрешения у главы этого поселения, избираемого на общем сборе жителей и пристроить свой дом на окраине или выменять на что-нибудь пустующий. Никого и никогда не волновало кто ты, откуда, какого рода племени. Хочешь жить – живи, надоело, собрал пожитки и пошёл дальше.

Как звались их народы, они понятия не имели и никогда этим вопросом не задавались. Когда Асаргад впервые столкнулся с этим феноменом, то сначала его посетило чувство брезгливости и презрения к этим людям. «Безродные» – подумал он тогда, – «дикари без памяти предков и племени». Но со временем, когда понял, что память предков этих «дикарей» в значительной степени превосходит то, чем так кичатся люди в его краях, он впервые призадумался над этим явлением и размышления на эту тему, вернее их результат, даже обескуражил его самого.

В тех краях, где он родился и вырос, принадлежность к тому или иному народу, к тому или иному племени, роду, имела первостепенное значение. Именно по праву рождения определялся статус человека, его значение в глазах остальных, определялись права и обязанности.

Отцы, рассказывая сыновьям о предках рода, раздувались от гордости за своих прадедов и заставляли надуваться значимостью от этого своих отпрысков. Вожди племён поднимали до небес легендарное прошлое своих племён, заставляя соплеменников гордиться своей принадлежностью именно к своему племени. Каждая царская власть выпячивала уникальность и избранность своего народа, страны, города, плюя с высока на других и втаптывая чужаков в придорожную пыль, заставляя во чтобы-то не стало гордиться тем, что ты являешься частичкой былой славы прошлого.

Именно гордость за страну, где ты живёшь, принадлежность к великому и обязательно древнему народу, заставляет жителей поднимать флаги, браться за оружие и идти убивать других, не таких «великих» и «древних», а значит почему-то не имеющих право сосуществовать рядом с избранным и таким славным народом как они.

Притом, как в первом, так во-втором и третьем случаях гордиться требовалось за далёкие, прошлые заслуги, правоту которых проверить не представлялось возможным, и вся эта гордость строилась исключительно на вере тех, кто воспевал бывших героев и их подвиги.

А здесь ничего этого не было. Степняки знают своих предков по кличкам и прозвищам на глубину в несколько десятков колен. Помнят их дела, поступки и проступки. Они не делают из них ни кумиров, ни идолов, ни героев. Они о них просто помнят. Притом помнят такими какие они были на самом деле со всеми их хорошими и плохими качествами. И несмотря на всю свою непохожесть между собой, умудряются оставаться равными и даже родственными друг другу.

Результатом раздумий на эту тему стало осознание у Асаргада того, что понятия «нации», «народа», «племени» и «рода» – это не порождения «цивилизации», как ему изначально казалось, а сознательное порождение «власти», притом любой.

У местных жителей нет царей, нет вождей и даже номинальные главы родов не имеют кровной преемственности, потому что они выборные! Им наплевать кто твой отец или отец твоего отца. Им куда важнее знать кто ты есть сегодняшний. Они не кичатся предками. Их не заботит, как их будут вспоминать потомки, будут и ладно. Они гордятся современниками, кто своими делами и поступками, реально заставляют гордиться или бояться остальных. Но главным открытием своих размышлений на эти темы для Асаргада стал вывод: хочешь власть разрушить – избавь жителей от гордости за свой род и племя, хочешь власть укрепить – породил эту гордость любым способом.

Кроме постоянных жителей степи, в ней ещё проживало много пришлых, притом заявившихся сюда со всех концов света. Приходили даже такие, каких отродясь никто не видел, и

даже о ком никто никогда не слышал. Эти пришлые со стороны и составляли в своей основе касакские орды, рассыпанные по всей степи в огромном количестве.

Сборные военные стойбища не являлись постоянными поселениями, и существовали лишь в период сбора, стекающегося со всего света свободных воинов, жаждущих славы, власти и наживы. Каждое такое стойбище представляло собой, как правило, некую разновидность землячества.

Образовывались и местные орды, состоящие из молодых мужчин коренного населения, орды из других земель и народов. Северные лесные жители собирали свои «земляческие» орды, горные южные народы – свои. Выходцы из далёких западных земель – свои, и так далее.

В каждой малой орде избирался «главный». В зависимости от многовековых традиций, а иные собирались из года в год на протяжении уже нескольких десятков поколений, эти главы назывались по-разному. Местные своих звали атаманами, в каких-то они именовались ханы, каганы, князья, короли, цари и так далее, но смысл у всех один и тот же.

Если землячество собиралось большим, то орда имела несколько стойбищ, каждое из которых имело своего выборного главу, но при этом они безоговорочно подчинялись вышестоящему. И, наконец, все эти укрупнённые орды в лице своих выборных повелителей, входили в совет и подчинение главной, центральной орде, где на вершине власти стоял некий ордынский царь, который несмотря на своё венценосное положение так же являлся выборным, как и все остальные.

На вершине всей этой разномастной пирамиды стоял атаман самой многочисленной и самой боеспособной орды и таковой, как правило, являлась орда местных степняков и жителей прилегающих к степи лесов, так как подобный полувоенный образ жизни местного населения являлся для них нормой, а зачастую и родовой обязанностью.

По сути дела, общая орда, как и все её составляющие, являлась огромным законным бандформированием в окружении незаконных государственных образований, и весь смысл её существования заключался как раз в том, чтобы эти незаконные государства, размножающиеся вокруг словно грибы после дождя, регулярно пощипывать, собирая урожай поборов с данью, а заодно не давая забывать кто в мире хозяин. Все окружающие государства для атаманов степи представляли собой огромный загон для человеческого скота, за которым следовало иметь глаз да глаз.

Основой основ степной орды, если говорить сегодняшними более понятными словами, являлся узаконенный рэкет прилегающих и лежащих за ними государств. Если посаженные ордой царьки платили поборы, то их не трогали, а если со временем, а через несколько поколений царствования потомки почему-то «забывали» свои корни и кровные обязанности, либо борзели, упившись властью, то таких стирали с лица земли, а на прокорм местному населению садили новых представителей из ордынского круга, как правило родственных либо близких по языку и культуре тому народу, на прокорм которого садились новые царьки.

Поэтому так или иначе любой царский род в любом конце земли, куда дотягивалась степное воинство имели ордынские корни. И тот же имперский мидийский род Иштувегу имел ордынские корни, притом род чистых степняков, киммерийцев, а не выходцев из горных племён.

Правда, тот же мидийский царь почему-то напрочь об этом забыл и «императорствовал» уже исключительно от своего божественного имени, возомнив из себя силу более могущественную той, что породила Мидию, но рано или поздно Великая степь обязательно наводила свои порядки в царствах подобным Мидийской империи, приводя их к общему, ордынскому знаменателю.

Ядро царской орды кроме многочисленности и боеспособности обладало ещё одной силой, которая в первую очередь определяла лидирующее положение. В это ядро входили по мимо общеордынских военизированных структур ещё и очень специфичные орды – девичьи.

Собиралось их значительно меньше, чем мужицких, прямо по пальцам можно пересчитать, но авторитет и незыблемое лидерство этих боевых подразделений оказывалось настолько велико, что ни у кого даже не возникало желание его оспорить.

В отличие от мужицких, они не значились, да и не назывались ордами в прямом смысле этого слова, а больше являлись некими боевыми кланами, сформированными на профессиональной основе. Войти в них оказывалось очень непросто, а выти ещё сложнее. Боевые девы в отличие от мужских орд звали себя не иначе как сёстрами, а отсюда их кланы назывались сестричествами. Мужчины же называли их по-разному, кому как в голову взбредёт и в большей степени награждая их нелюбимыми эпитетами.

Боевые сёстры вели закрытый от посторонних глаз образ жизни. Мистика, слухи, откровенные небылицы их жизни, уникальные, за гранью реальности боевые возможности сродные колдовству и неподвластные для мужчин, порождали вокруг дев ореол таинственности, страха и трепета.

Главой всех боевых сестёр являлась единая Матерь. Ни один воин мужчина не знал, как Матерь приходит к власти, но ни один воин степей не смел её послушаться. Она являлась единственной невыбираемой, а значит и не переизбираемой царицей для всей Великой Степи.

Даже верховный атаман, царь всего степного воинства, вынуждено прислушивался, а порой и прямо подчинялся Матери воительниц. И на это были свои веские причины. Поэтому сам верховный атаман, несмотря на всю свою власть и силу, на которую опирался, вынуждено искал её благосклонность, а то и напрямую пытался набиться к ней в мужья, если та оказывалась свободна.

Матерь, в отличие от её подчинённых имела право заводить семью, а муж такой особы автоматически становился персоной наивысшей политической власти. Именно такая супружеская пара и находилась во главе всей степной оравы к тому времени, когда четвёрка молодых горцев во главе с Асаргадом появилась на просторах Дикого Поля²⁸.

Целых два дня молодые люди потратили на то, чтобы найти стойбище своего землячества. Хотя, строго говоря, землячество там водилось по их меркам очень приблизительное. Основу его составляли выходцы из народов мидийской империи и орда представляла собой столь же разношёрстную мешанину как и сама империя, подмявшая под себя кучу различных племён и народов. Но кроме подданных мидийской державы в неё входили и вавилоняне²⁹ и даже лидийцы³⁰, в империю не входившие.

Царём, как величал себя глава этой орды являлся эламит³¹. Его клан в орде оказался самый многочисленный и самый сплочённый. Асаргад хорошо знал этот народ, так как проживал он от их по соседству и отголоски культуры, эламские устои построения общества, доходили до их кочевий, так как частенько приходилось сталкиваться с представителями этих городов-государств.

Элам – древнейшее государство, изначально появившееся как город-государство в Сузах. Сами эламиты свою страну называли Хал-Тамти, страна Тамти и к этому времени имели почти трёх тысячелетнюю историю. Уникальный, ни на кого не похожий язык, завораживающая своей

²⁸ Особое, имеющее историю в несколько тысячелетий сборное место, расположенное между реками Дон, и Северский Донец.

²⁹ Вавилон – древний город в Южной Месопотамии, столица Вавилонского царства. Важный политический, экономический и культурный центр Древнего мира, один из крупнейших городов в истории человечества и «первый мегаполис».

³⁰ Лидия – в древности страна в западной части Малой Азии, называвшаяся греками Мэонией, доходившая до Эгейского моря и внутри полуострова занимавшая верхние течения Герма и Каистра, отделённые друг от друга Тмоллом. На сегодняшний день это территория Турции.

³¹ Элам, Елам (шум. Ним, аккад. Эламу, самоназвание – Хал-Тамти) – историческая область и древнее государство (3 тысячелетие – сер. VI в. до н. э.) на юго-западе современного Ирана (провинции Хузестан и Лурестан). Центр (столица) – город Сузы.

необычностью культура, делала их в глазах персидских племён, живших по соседству, некими пришельцами из каких-то других миров.

Персы были так очарованы эламской культурой, что буквально впитывали её в себя стараясь подражать, адаптировав настолько, что будущие историки однозначно называли эламитов предками персов. Хотя на самом деле это не так.

Некогда цветущие и сильные царства Элама в периоды объединения, нагибавшие даже сам Вавилон, к моменту возвышения Мидии стали разрозненными и перецапались в междоусобных войнах. В результате сначала потерпели поражение от ассирийцев, а затем мидийцы перебили их по одиночке, и полностью покорили.

Боевое ядро Элама было уничтожено, но одна из его частичек уцелела и осела вот здесь в далёкой северной степи, образовав вокруг себя мощную и в высшей степени боеспособную ордынскую ячейку.

Звали ордынского царя Теиспа. На вид выглядел лет на сорок, но сколько точно лет, никто не знал, в том числе и он сам. Ухоженная и аккуратно подстриженная копна чёрных с проседью волос, окладистая борода и усы, также тщательно ухоженные. Вся растительность на голове и лице завита мелкими кудряшками по последней моде цивилизованных народов арийского нагорья. Одевание главаря выглядело настолько дорогим и вычурным, что вид он имел поистине царский.

Лицо чистое, моложавое, сразу видно, что его вместо степного ветра с пылью и палящим солнцем больше касались умелые женские руки, хорошо знакомые с косметикой того времени. Ничто не выдавало в нём воина, кроме рук.

Несмотря на золото колец и перстней с драгоценными камнями, нанизанными на каждый палец, а то и не по одному на каждый, руки выглядели мощными и грубыми. Даже тщательный уход за ними не мог скрыть того, что они больше привычны к оружию, чем к украшениям. К тому же многочисленные шрамы делали их руками воина, а не царедворца. Теиспа встретил молодое пополнение надменно и пренебрежительно, говоря тихо, еле шевеля губами.

– Кто такие?

– Асаргад, – первым представился лидер четвёрки, слегка поклонившись, как учили Гнур и Уйбар, – сын Атрадата, племени мард.

Далее каждый представился сам. Выслушав их, Теиспа похоже и вовсе потерял к новичкам какой-либо интерес и тяжело вздохнув тут же передал их в руки своему близнику по имени Доникта, демонстративно махнув на молодёжь рукой, мол заberi их с глаз долой и оприходууй как положено.

Доникта выглядел моложе своего военачальника, с точно такими же мелко завитыми кудряшками, почти в таком же одеянии вышитом золотом, вот только пальцы без единого кольца и перстня. Руки абсолютно неухоженные, грубые, мозолистые и в придачу грязные, но в отличии от главаря он прибывал во всеоружии.

Доникта отвёл их от царского шатра на расстояние нескольких шатров и в том же ключе передал новеньких сотнику. Тот лишь мельком взглянув, никуда не повёл, а лишь зычно крикнул пятидесятника, который соответственно сбавил их первому встречному десятнику.

Десятник, осмотрев новобранцев огорчил молодое пополнение тем, что в его десятке оказалось только одно свободное место, поэтому недолго думая выбрал Гнура, как самого представительного и старшего по возрасту, а остальных направил дальше, катя новобранцев вниз по иерархической лестнице.

Следующий десятник тоже взял только одного – Уйбара. В конце концов Асаргад и Эбар нашли пристанище у совсем молодого десятника по имени Арбат, у кого из десятка осталось только четыре воина, с ними стало шесть. Арбат оказался уроженцем Каппадокии.³² Где нахо-

³² Каппадокия – историческое название местности на востоке Малой Азии на территории современной Турции (часть

дится такая страна Асаргад тогда даже не знал. Было десятнику не больше двадцати лет и говорил он с каким-то непонятным акцентом. С таким непривычным, что по началу друзья его с трудом понимали, но со временем привыкли.

В отличие от всех начальников, кого им пришлось уже повидать, Арбат не имел ни бороды, ни усов, а чёрные прямые волосы собирались сзади в пучок и перетягивались красной лентой. Их непосредственный начальник оказался не заносчив и назначение десятником его явно тяготило. Он просто не знал и не умел командовать.

Сын землепашца, как выяснилось позже, бежавшего от побоев своего сюзерена никогда и никем не командовал, а лишь повиновался другим, и четверо воинов его подчинения примерно его возраста оказались такими же землепашцами, взявшие в руки оружие лишь здесь и то, по сути, только что.

Но мало того, что они оружие как следует держать в руках не умели, не говоря об его использовании, эти бывшие садоводы ещё и в сёдлах держались, как козёл на козе в момент перепуга, ибо на лошадь так же сели здесь впервые. Всё землячество Теиспы представляло собой исключительно конную орду и пеших он не держал в принципе, вот им и пришлось осваивать то что оказалось с рождения непривычным.

Асаргад и Эбар быстро нашли со своими новыми сослуживцами, имеющими более низкий, но тем не менее не далеко ушедший от них статус, общий язык, впитывая в себя как губка правила и устои нового образа жизни. Как оказалось, в поход из них ходил только Арбат, а остальные такие же новички, как и они. А молодой десятник учувствовал только в одном походе в жаркие пески за море. Там его отряд попал в засаду и из своей десятки он единственный остался в живых, вот почему и стал десятником по ордынским законам.

Уже через несколько дней Асаргад, как-то само собой стал безоговорочным лидером этого маленького отряда, давая остальным уроки и верховой езды, и обращения с оружием. К этому времени к ним присоединился Уйбар, ухитрившийся отвертеться от своей десятки и получить разрешение на переход в подразделение Арбата, к тому времени уже нелегально числящимся за Асаргадом. Вот так началась их ордынская жизнь...

земель илов Невшехир, Кайсери, Аксарай и Нигде), употребляющееся со времён античности вплоть до наших дней. Характеризуется чрезвычайно интересным ландшафтом вулканического происхождения, подземными городами, созданными в I тыс. до н. э. и обширными пещерными монастырями, ведущими свою историю со времён ранних христиан.

Глава пятая. Говно по реке плывёт, не задумываясь о пути, и грести против течения у него нет нужды, потому что говно.

Райс буквально вырвалась из цепких щупалец жуткого сна на остатках последних сил, где какие-то абсолютно незнакомые ей сволочи, но все как один мужского пола, издевательски хохоча топили царскую дочь в отхожей лохани, переполненной нечистотами. В неопишемом ужасе, замешанном на отвращении, распахнула глаза, задерживая дыхание, как и во сне, она в панике принялась метаться перепуганным взглядом по сторонам.

Какое-то время перепуганные глаза, отключившись от уже ничего не соображающего сознания сами собой лихорадочно металась из стороны в сторону, выхватывая лишь отдельные фрагменты нереального окружения. Вот только как в неправильно собранной мозаике эти разрозненные куски увиденного не складывались в единую картинку, добавляя ряби от пестроты и несуразности в голове, которая никак не могла сориентироваться во времени и пространстве.

Первое в чём сориентировалась, бросив взгляд вверх – это низкий потолок, засиженный толстым слоем копошащихся зелёно-перламутровых насекомых. Откуда-то оттуда пробивался слабый свет, делая всё вокруг сумрачным и крадя резкость очертаний, превращая детали увиденного в размазанные контуры.

Второе что ей удалось идентифицировать – земляные стены и наконец – целое море нечистот вокруг с кишасей белой коркой чего-то живого на поверхности. В этой жиже она и болталась по самые груди. Распахнутые глаза защищало от дикого зловонья, и они тут же ответили защитной слезой, ещё больше смазывая предметы и очертания.

Одурев от увиденной мерзопакостной картины, рыжая учащённо задышала только ртом, чтобы не нюхать зловонья, но тут же лихорадочно сглотнув рвотную массу, рвущуюся наружу, вновь вынуждено задержала дыхание и крепко зажмурилась, отчего по щекам покатались дорожки слёз. Кутырка мысленно приказала себе успокоиться, и не размыкая век и продолжая не дышать, прислушалась к ощущениям.

На слух распознала тугое и противное жужжание полчища мух, что не только летали вокруг, но уже ползали по всей царской дочери, пытаясь ни то зализать её, ни то защекотать до смерти. Жижа, где она плавала стоя, оказалась мерзко тёплой. Судорожно, рывками подрыгала ногами пытаясь найти опору. Дна не нащупала, но наткнулась сзади на отвесную склизкую стену.

Тело висело в этой жидкой гадости и от её брыканий медленно и с трудом колыхалось в этой вязкой субстанции. Под грудями почувствовала широкий пояс, похоже привязанный где-то наверху и не дающий опуститься в копошащуюся клоаку ниже того уровня, на котором трепыхалась словно поплавок на удочке.

Ощутила свои руки, привязанные где-то вверху, но по ощущениям некрепко. Райс вновь задышала только ртом, хотя мерзкое зловонье и без этого пронимало до самых кишок. Задрала голову, настороженно раскрывая глаза узкими щёлками. Руки оказались вовсе не привязаны, а просто вдеты в кожаные петли и висели в них на запястьях.

Мученица медленно вынула из петли одну руку, затем другую и закрыв лицо ладонями задышала мелко и надрывисто, будто ладони могли служить фильтром для выгребной ямы, а то, что рыжая оказалась в ней, она уже догадалась.

Райс никуда не смотрела, ни о чём не думала, так как всё её девичье естество отчаянно боролось с собственным желудком, просившимся, во что бы то ни стало вывернуться наружу. В итоге организм победил упёртую хозяйку, выплеснув из себя единственно что в нём оставалось – желудочный сок и даже после этого ещё пытался что-то выдавить, что уже не выдавливалось

ни в какую, потому что желудок оказался абсолютно пуст. После конвульсий пищеварительного тракта вдобавок голова поплыла кругом, но ярица при этом задыхалась значительно ровнее.

Наплевав на едкое зловоние и закипая лютой ненавистью ко всему на свете, готовая порвать каждого опарыша, копошившегося в месиве под самым носом, всем мухам до единой поотрывать крылья, затем ноги по очереди вместе с головой, она злобно осмотрелась вокруг, обводя слезившимися глазами отхожую вонючую яму. Неожиданно Райс упёрлась взглядом в ещё одну горемыку, висевшую рядом, тут же изменив злощипый взгляд на ошарашенный.

Кутырка примерно её возраста болталась в двух шагах левее, облепленная сплошным ковром из мерзких насекомых. Светло-русые волосы, выцветшие до состояния высохшей на солнце травы, оказались изрядно выпачканные нечистотами. Большие серые глаза, блестящие в сумраке ямы подобно мокрому полированному камню сверкали неприкрытым любопытством. Соседка, уложив на макушке руки в замок, с улыбкой небрежного ехидства молча разглядывала паникующую царскую дочь.

– Ты кто? – ошарашено прошипела Райс почему-то шёпотом.

– Я – Апити, а ты? – представилась белобрысая, но в отличие от представительницы царской династии вела себя вполне спокойно и даже выражая некое довольство.

– Райс, – сдавленно прохрипела рыжая и тут же продолжила допрос, – а мы где?

– В говне, – хмыкнула Апити, расцветая в лучезарной улыбке и смахивая с лица очередную партию надоедливых насекомых, – аль, не видишь?

– Как я тут оказалась? – в изумлении вопрошала Райс толи непонятную соседку, толи самого себя, – ничего не помню, хоть убей.

– Так не мудрено, подружка, – как-то запросто и совсем по-свойски ответила светловолосая, – тебя же под гребешком привели. Втыкают такую зачарованную костяшку в волосы, и ты становишься тёлкой на привязи. Что велят то и делаешь, и при этом ничего не помнишь. Хорошая штука. Я как круги пройду, так непременно заведу себе что-нибудь подобное.

– Да, да, – тут же спохватилась растеряно Райс, – что-то припоминаю про волосы. Белая вековуха сначала погладила, а потом вроде как гребень воткнула.

Царская дочь, находясь в полной прострации, осторожно прощупала рыжую шевелюру ища гребень, но в копне взъерошенных волос, спущенных на спину и на половину утопленных в жижу, инородных предметов не обнаружила. Кроме мух вообще ничего лишнего. Руки тут же облепили насекомые, топча их своими лапками и Райс с показной брезгливо скривилась и задёрнула кистями, отгоняя от себя эту мерзость.

Тут по верхнему настилу глухо застучали чьи-то шаги, и небольшая круглая дырка в потолке, видневшаяся чуть левее рыжей и как оказалось служившая основным источником света, резко потемнела, окуная и без того мрачное пристанище вообще в полумрак. Апити, видимо предвидя реакцию новенькой тут же приложила палец к губам и жёстко потребовала, переходя на змеиное шипение:

– Только не ори!

Райс не успела понять, что к чему, как сверху в дырку полилась напористая струя, создавая на поверхности вонючего «опарышного говноёма» ажурное пенное облако, разбрызгиваясь мелкими капельками и поднимая из клоачных глубин свежую волну тошнотворного зловония.

– Фу, – презрительно шипя, выдавила из себя рыжая, сморщившись и зажимая пальцами нос.

Кто-то наверху, сделав своё нехитрое дело неспешно ушёл, открывая дырку для сумрачного света. От всего происходящего у царской дочери закончились слова, притом сразу все и надолго. Просто, она какое-то время молча негодовала. В голове одновременно происходило множество противоречащих друг другу процессов, отчего мозги заклинило.

Хотелось выматериться от души, разреветься от обиды, вырваться из пут и покончить жизнь самоубийством или заставить это сделать всех остальных. И все эти желания возникли у рыжей одновременно.

Только некоторое время спустя, так и не притворив ничего из выше желаемого в жизнь, она начала успокаиваться, решив плюнуть на все эти крайности и продолжить пытаться светловолосую соседку, надеясь хоть что-нибудь прояснить для себя в сложившейся ситуации. Почему-то решив, что белобрысая замарашка на прямую отвечать откажется, зашла из далека:

– И давно ты тут висишь?

– Третий день.

– А ты кто вообще и за что тебя сюда посадили?

– Я? Никто. Впрочем, как и ты, – спокойно ответила Апити даже с некой гордостью, – но, как и ты я «особая». ³³ Сюда других не сажают. Это же «познание себя через нечистоту»! Странно, что ты об этом ничего не ведаешь.

Последние слова она произнесла с интонацией подозрительности.

– Я вообще ни хрена не понимаю, что происходит, – огрызнулась рыжая, отрывая пальцы от зажатого носа и небрежно сплёвывая, – сначала законопатили в лесную баню на целых две седмицы, где ни света белого, ни звука никакого. Я там чуть не сбрендил, ползая по четырём стенам. Теперь вообще по горло в говне. Да, когда же это кончится?!

На последних словах царская дочь обиженно скуксилась, собираясь зареветь.

– Да успокойся ты. Всё только начинается, – тут же с ухмылкой в голосе проговорила Апити, но по интонации даже не собираясь успокаивать соседку, – а я смотрю ты у нас в большой привилегии, коль чистить разум в баню посадили. Небось и тёплая была, и кормёжка не с помойки?

– А толку-то, – пробурчала озлобленно Райс наполняя глаза слезами, а за одно подтверждая догадки о своих привилегиях, – сидела как под землёй. Ни хрена не видно, ни два хрена не слышно.

– А я вот под настоящей землёй сидела, – тут же жёстко парировала белобрысая, не давая новенькой распустить соплю, – в глиняной яме, выкопанной в два роста. Сверху брёвнами заложили да так плотно, что свет ни проникал. Обе седмицы на глине спала и почитай её и ела в постоянном холоде и сырости. Там из стенки родник пробивался и куда-то в нору прятался. Вот там действительно от его постоянного журчания с ума можно было сойти как два пальца вымазать. Я даже поначалу «поплыла мозгами», но вовремя спохватилась, сообразив законопатить уши глиной. А то бы точно сбрендил.

Райс как-то даже взбодрилась и расхотела реветь, услышав, что кому-то было ещё хуже, чем ей, и она, оказываясь, ещё не в самых худших условиях провела последнее время. Даже представила себе, как бы она в таких условиях справилась с отсидкой, а как представила сразу даже зауважала соседку. Она бы так не смогла. Пока думала, представляла, отвлекаясь от действительности, почти совсем пришла в себя.

– Слышь, Апити, – заговорщицки зашипела Райс вполголоса, помахав перед лицом ладошками, как бы очищая для глаз обзорное пространство, заполонённое жужжащими насекомыми, – ты можешь мне разъяснить, что здесь творится? Я имею в виду вообще. Я от неведения всего этого места себе не нахожу. Башка на раскорячку. Нет, когда я вырвусь на свободу я им всем покажу Кузькину Мать. ³⁴ Это к еги-бабе не ходи. Все у меня кровью умоются, но хотелось бы понять, КАК отсюда выбраться?

³³ Наделённая определёнными потусторонними силами и умениями природных стихий.

³⁴ Рудимент древних культур. В данное время празднование с ритуалом Кузькиной Матери уже не проводились, но в памяти народов ещё оставалось понимание процесса, как «порвать на мелкие кусочки».

– Странная ты какая-то, – задумчиво пробубнила Апити себе под нос, пристально, с ещё большим подозрением уставившись на собеседницу, при этом скривив ротик на бок и сдунув очередную муху, ползущую по щеке.

Подняв и просунув руки в кожаные петли, она обмякла, повиснув на запястьях, роняя голову на хрупкое плечико, казавшееся по сравнению с прокаченным Райсовым, коленом от кузнечика, и продолжая корчить откровенную недоверчивость к засланной непонятно откуда девке принялась новенькую разглядывать с особой тщательностью.

Наконец что-то для себя видимо решив, показательно тяжело вздохнула и начала своё высокопарное выступление, строя из себя бывалую бабу, снизошедшую до объяснений всем известных прописных истин неопытной и бестолковой кутырке:

– Отсюда, девонька, не вырываются. Сюда рвутся. Пищат да лезут. Только мало кого пускают. Я вот ведунья³⁵ обласканная особым даром предвидения. Сюда больше года просилась, так и то не пускали, старые гримзы. Понимаешь? Мало дар иметь, чтобы сюда попасть. Здесь ещё кое-что требуется. Нужно иметь особое зерно внутри, которое здесь выращивается в стержень. А у кого его нет, то тут и выращивать нечего. Для начала закапывают в яму, оставляя наедине с собой, чтобы всю дрянь из башки вытрясла, оставив только нужные и значимые мысли. Затем здесь опускают ниже опарыша, превращая в ничтожество. Чтобы поняла, что ты никто и звать тебя никак. Первыми кругами вычищают будущую «особую» до бела. Лучшая из лучших может вырасти только с чистого листа. Вот я из этого низшего состояния должна буду подняться выше всех прочих, преодолевая все трудности зачётных кругов. Поднимусь, буду ведуньей какой свет не видывал. Не поднимусь, сдохну на каком круге, значить это не моё. Не судьба. Отсюда только два выхода подруга: либо на коне в лучах славы, либо дохлая. Сломаться на колдовских кругах сможет любая, а вот выдюжит, не каждая.

Говорила белобрысая свою возвышенно торжественную речь явно с чужих слов. Даже интонация с гримасами стали не её, а слизаны с кого-то, но тут дева как-то встрепенулась, вновь став собой, возвращаясь к подозрительности, и уставившись на Райс добавила:

– Только ты не нашего поля ягода как я погляжу. Не вижу я в тебе никакого ведьминога дара.

– А у меня его и нет, – жёстко отрезала царская дочь, от её речей ещё больше запутавшаяся и ни на шаг не продвинувшаяся в понимании происходящего.

– Вот и я не пойму, – задумчиво уставилась на неё Апити, – кого они из тебя-то растят?

Райс хотела было огрызнуться, на такое неуважение, но тут её как обухом брякнули по голове. Она даже замерла на несколько ударов сумасшедшего сердца с открытым ртом и изумлёнными глазами. На царскую дочь наконец-то снизошло озарение, будто что щёлкнуло в мозгах. Рыжая сразу успокоилась, сгладила свою ершистость, выпрямилась приняв царскую осанку на сколько позволяло подвешенное состояние. Затем неспешно сунув руки в верхние петли расслаблено повисла.

– Не могла сразу об этом спросить? – пренебрежительно попеняла она, ни с того ни с сего деля Апити виноватой ни пойми в чём, – а то ходит всё вокруг да около.

– Не поняла? – обалдела в ответ от такого поворота белобрысая, совсем уходя от роли наставницы, при этом вынимая одну руку из петли и отмахиваясь от летающих пред глазами «надоедок» с зелёными пузами, – вокруг чего хожу?

Рыжая продолжая висеть на руках медленно повернулась всем туловищем и с ехидной улыбочкой ещё раз представилась:

– Меня. Кличут. Райс, бестолковка ты белобрысая, – проговорила она, выделяя каждое сказанное слово.

³⁵ Предсказательница. Ведающая будущее. Экстрасенс.

– Ну. И. Что, – передразнила её Апити, не понимая причин столь резкого изменения в соседке.

– Я дочь царицы Тиоранты. Небось слыхала о такой, безродная? Притом единственная дочь, оттого любимая. Поэтому делай выводы.

На что Апити сложив губки трубочкой и распахнув серые глаза тихо присвистнула.

– А растят из меня завтрашнюю царицу степей. Так что имей в виду на будущее.

Райс прямо загордилась своим открытием, хотя сама в это не верила до конца, но в её интонации звякнула нотка зазнайства и высокомерного чванства. Правда реакция соседки вновь опустила её на грешную землю, вернее в отхожее место, где они на пару и плавали:

– Хреново тебе придётся подруга, врагу не позавидуешь.

Царская дочь чуть не подавилась услышанным. Но Апити тут же пояснила:

– У меня горка пониже да лужа по жиже, и то не знаю, как карабкаться. Из нашей ведьминой шоблы лишь одна из трёх поднимается и проходит испытания в здравом разуме и твёрдой памяти. Многие не выдерживают. А у тебя гора куда покруче моей. Сколько интересно из ваших доверху доползут? Хотя ведь Матерь у нас единственная, а значит из всех только одна и выползет.

– Что значит из нас? – тут же взъелась рыжая, – думаешь, кроме меня ещё кто-то будет?

– А то, как же, – прибила её потенциальная ведьма, – много ты знаешь цариц, что стали преемницами своих мам? Я, например, ни одной не знаю. Хотя, по правде сказать, я не сильна в вашей родословной. Но даже коли тебя допустили до этого, неужели ты думаешь, что только на тебя будет ставка? А коли не сдюжишь, что ж теперь степи без царицы оставаться и пропадать-пропадом?

Райс принялась лихорадочно перебирать в голове всё что об этом знает или слышала. Но не найдя в памяти ни одной родственной преемственности, насколько помнила рассказы о бывших царицах, тут же заочно зверски окрысилась на всех высокородных дев, перебирая теоретических конкуренток из числа вспомнившихся и крутящихся при мамином дворе.

В конечном итоге всё же вынуждено сдалась обстоятельствам, соглашаясь хоть и нехотя, что белобрысая всезнайка в принципе права, от чего спесь с гордыней несколько схлынули, а сама Райс понурила голову, закусив губу. На краю сознания в обрывках памяти она даже вспомнила о запрете родственной преемственности, правда, абсолютно не помня по какой причине.

В голове как зайцы запрыгали разные мысли по поводу и без повода, и от этого «зайцескока» рыжая вообще перестала что-либо соображать. Голова закружилась, отчего опять пристала мерзкая тошнота. Прекратив следить за скачущими мыслями и сконцентрировавшись на подавлении блевотного недуга, она несколько успокоилась и смогла заставить себя думать собрано и здраво.

– Ты ведь мне поможешь? – жалостно спросила рыжая, поймав себя на каверзной мысли, что если останется в одиночестве, то пропадёт тут с концами, даже не выбравшись из этого говна.

– Как? – со смехом поинтересовалась Апити.

– Ну, – тут Райс задумалась на мгновение, – «каком» каким-нибудь. Я ж ни ухом не рылом во всём этом. Хоть объясни, как тут что.

– Ну, коли только в этом, – пожала плечами «бывалая» соседка.

Она вкратце поведала новенькой о девяти кругах каверзных испытаний, что обязана пройти любая «особая», вот только что конкретно эти круги собой представляли толком тоже не знала. Так лишь в общих чертах. Слышала только, что при прохождении каждого круга дева получает какую-нибудь особенность или наоборот, как теперь избавляется от чего-то ненужного.

В конечном итоге закончив своё словоблудие после многих ничего не объясняющих слов, белобрысая честно призналась, что сама мало что знает. Эти колдовские круги окутаны тайной, и наставница по поводу их всегда одно и то же талдычила, мол, попадѣшь на них, сама узнаешь.

Замолчали обе. Каждая задумалась о своём. О чём размышляла Апити сказать было трудно по её безразличному виду. Мысли же Райс закрубились в голове мрачными тучами о себе любимой. Обо всем, что было, есть, и будет. Она вдруг вспомнила маму в ту роковую пьянку с ближницами. Припомнила её напряжённое лицо, измученное чем-то тягостным. Её вид ни то усталый, ни то болезненный, и по всей видимости не спавшая всю ночь.

Кутырка только сейчас осознала и готова была руку дать на отсечение, что мама преднамеренно пошла на этот шаг. И решение это далось царице нелегко, понимая, что может больше не увидеть родную кровиночку живой или судя по испытаниям в здравом уме и твёрдой памяти. У Райс в голове не укладывалось. Как родная мать могла принести её в жертву? И ради чего? Но тут же вспомнив для чего, вновь закусил губу.

Почему прежние царицы не выращивали из своих дочерей замену? Что они не рожали дочерей? Или не пускали на испытания? И тут Райс неожиданно пришла к неутешительному выводу, от которого мурашки забегали по спине и волосы затопорщились дыбом: «Я как царская дочь должна стать Царицей Степи или исчезнуть с глаз долой, как и прочие дочери прежних цариц, правящих степью».

Кем бы Райс стала, если бы выросла при шатре мамы? И какое светило бы будущее не отправь её на испытания? Самое большее чего Райс могла добиться, это стать ордынской девой боевого сестричества, а там, если заслужит и не сложит голову в походах, могла подняться до Матёрой со временем. Хотя с её-то характером и замашками, вряд ли. Вот и всё что ей светило в той нерадостной жизни.

До сего дня кутырка не интересовалась в принципе, как становятся царицами и как ею умудрилась стать мама. Знала только, что в отличие от мужицкой орды, цариц не выбирают скопом, как это делали мужики. Царицей становилась дева из клана «меченых».³⁶ Она на таких насмотрелась в бане среди маминого окружения, с ног до головы причудливо изрисованных. Но откуда те брались рыжая абсолютно не знала, укоряя себя лишний раз, что была полной дурой, когда всему этому наставницы обучали на нудных уроках.

А ведь учили этому наверняка. И только теперь, сидя в выгребной яме в говне по уши она в очередной раз отчётливо поняла, что не только детство, но похоже и жизнь заканчивается. И что встала она на особый путь, на котором «выращивают» будущих цариц, тех самых «меченых». Вернее, даже не так. Она не поняла этого, а заставила себя поверить в свои предположения.

Рыжая безоговорочно внушила себе, что мама послала её на эти изуверские испытания только для того, чтобы дочь стала единовластной царицей Степи или исчезла с лица земли за ненадобностью, не опускаясь до простого боевого «мяса».

Райс понимала, что это лишь догадки разума, находящегося уже на границе сумасшествия, а исходя из того как с ней обращаются, она может до конца мучительных испытаний так и не узнать об истинных причинах маминого поступка, свихнувшись здесь или вообще попрощавшись с жизнью. Поэтому дева взяла, и сама себе всё объяснила по ходу дела, поставив перед собою высокую цель, почти недостижимую. Но другого выхода она для себя не видела. Загибаться здесь, гордая Райс не собиралась.

Ко всему прочему ярица с ужасом осознала, что не будет карабкаться за титулом в гордом одиночестве. Наверняка им пойдут и другие. Вот только на вершину кручи, куда вся орава будет карабкаться, заберётся лишь одна. И только от неё теперь зависит, сможет ли она пре-

³⁶ Культурный клан колдуний, прошедших специальный ритуал приобщения к природным стихиям и имеющих на своих телах ритуальные рисунки по специализации приобщения.

тендовать на лидерство или это место займёт другая, более «особая». А то, что эти круги будут непростыми, теперь рыжая уже не сомневалась ни капельки.

Это открытие окончательно огорчило Райс, не давая покоя и ещё больше вгоняя в уныние. Наконец она оторвалась от пораженческих рассуждений, твёрдо решив бороться до самого конца, чего бы ей это не стоило, оттого буднично спросила новую знакомую:

– А чё мы тут вообще делаем? Как долго нам в говне сидеть и мух развлекать?

Апити повернулась, отмахиваясь от роя «жужжалок» и так же буднично ответила:

– Скоро пить-есть принесут, тогда и поймёшь без объяснений.

– Как пить-есть? Это тут-то? – удивление у Райс выплеснулось через край.

– Да, – не меняя спокойного тона, ответила светловолосая соседка, – вон в ту дыру побросают перемешанной кучей, а ты вылавливай среди дерьма съедобное и ешь, если черви наперёд не расстараятся, и всё не съедят за тебя пока ты морду воротишь.

– Фу, – скривилась в гримасе дева, взращённая в привилегированном царском обществе, тут же позабыв обо всей своей решимости, – а зачем такое унижение? А если я заразу подхвачу? Что тогда?

– Я же тебе кажется уже говорила, что тут проходят особенный ритуал: «познания себя через нечистоту», – наставительно заговорила Апити, снова принимаясь за нравоучения, – себя чуеть? Нечистоту видишь? Так вот! Из тебя здесь вытравливают брезгливость, ту, что ты мне тут напоказ выставляешь. Для «особых» брезгливость – это непозволительная роскошь. Она допускается лишь для обычного люда. Брезгливый человек ведь он кто? Он как зашоренная лошадь. Видит перед собой только часть, а не целое. Это вовсе не говорит о том, что мы должны в свиней превратиться и помоями питаться, плавно переходя на опарышей с мухами. Просто мы «ОСОБЫЕ» и не имеем права быть брезгливыми ни к людям, какими бы омерзительными они не оказались, ни к их поступкам. Мы должны понимать и принимать в себя всех и всё. А брезгливость по жизни крайне вредная штука. Она мешает. А вот вытравить из себя этого червя можно только поборов омерзение к еде, питаюсь, где угодно и чем попало.

Тут она остановила внушение, заинтересовано осмотрела собеседницу, внимательно слушавшую и уже по-простому добавила:

– Только делать вид что поборола брезгливого «червя» и навсегда прибила его в себе, я тебе не советую. Троица не смотрит на то, как мы едим, и едим ли вообще то что бросается в дыру. А это говорит, что ОНИ просто знают наверняка, жив в нас ещё порок или уже нет. И не спрашивай, как ОНИ это делают. Сама не знаю. Я уже третий день тут сижу и, кажется, совсем перестала брезговать и то не выпускают. Видно, какие-то остатки чувствуют. А тебе, судя по твоим желудочным позывам в этих «хоромах» ещё долго мух развлекать.

– Что за бред? – вновь взорвалась на эмоциях Райс, – а если я не смогу перебороть это омерзение? И вообще, что мне будет если я откажусь от испытания?

– Обломайся, дочь царская, – тут же издевательски ответила соседка, – если не сдюжишь испытание, то сдохнешь тут от голода и неминуемой жажды. И поверь, тебя отсюда даже вынимать не станут. Тут сгниёшь. Хотя нет. От голода не сдохнешь, потому что тебя вот эти белые миленькие червячки быстрее обглодают, чем ты с жизнью простишься.

И Апити расхохоталась как ненормальная, разгоняя волновыми движениями подвешенного тела, кишасших вокруг жирных опарышей.

– Этого не может быть! – чуть не заорав в истерике и сверкая заблестевшими от слёз глазами запротестовала рыжая, – я дочь царицы Тиоранты Великой. Они не посмеют меня сгноить в этой зловонной яме среди говна.

– Да не ори ты, психованная! – тут же грозно рявкнула на неё Апити, вогнав привыкшую к «жополизному» почитанию и до крайности избалованную царскую дочь в очередной ступор ничего непонимания.

Ведунья злобно зыркнула на рыжую, искажившуюся в молчаливой гримасе и смачно сплюнув в кишаших опарышей, сквозь зубы процедила:

– Вот теперь я точно знаю, почему нет преемственности власти по царской крови.

И Райс тут же захлебнулась услышанными словами, неожиданно поняв, что белобрысая имела в виду. Вскипевшее в ней чувство права во всём быть правой моментально улетучилось. Она задыхалась рывками словно уже в голос ревя, осознавая с глубокой обидой, что в данный момент она действительно «никто» и звать её «никак».

Рыжей будто кто мозги прочистил, оставив там лишь одну мысль: следует как можно быстрее забыть, кто она такая и какого рода-племени, тут же вспомнив слова Апити, что, только опустившись ниже нижнего можно выкарабкаться выше всех. Райс ещё нескольких ударов сердца осмысливала эту истину, а затем смиренно опустив голову, спросила уже совсем отчаявшимся голосом:

– Так что-делать-то теперь?

– Да ничего. Пей, да ешь в своё удовольствие, – ответила подруга, пожимая плечиками, – как говаривала моя наставница, вода камень точит не силой, а упорством с настойчивостью. Будешь бороться – победишь. Сдашься – сдохнешь. Всё просто.

– Тебе легко говорить, – пробурчала царская дочь.

– А чё тут сложного? Ты же не с нежитью борешься, а сама с собой. На одной стороне ненужные привычки, на другой голова на плечах. К тому же этот круг сказывали ещё самый лёгкий. Тебе твоё тело помогать станет, когда уж невтерпёж голод с жаждой припрёт.

– Благодарствую, – недовольно пробурчала Райс, – успокоила.

– Да не за что. Коль приспичит, обращайся. Мне языком молоть не жалко.

Наверху вновь послышались гулкие шаги и в жижу булькнули два кожаных мешка, окатив девок зловонными брызгами.

– О, обед, – наигранно радостно возликовала Апити, утираясь от капель нечистот, прилетевших в лицо.

Райс тут же скрутило рвотными позывами, что пару раз страдальчески дёрнули тело, но без каких-либо материальных последствий. Так лишь наглядно выразив отношение ко всему происходящему...

Апити выловила мешки, один из них оттолкнув соседке с аппетитом отобедала. А Райс развязав мешок и поковырявшись в тех помоях, что там навалены и перемешаны в единую массу, вынула лишь извозюканный мешочек с водой и наплевав на смрадную вонь, тут же весь осушила без остатка.

В море дерьма, куда угораздило попасть Райс, оказалась и ложка мёда, что хоть как-то подсластила наказание. Сидеть в вонючей яме безвылазно, оказывается, не было необходимости. После того как белобрысая поела, а рыжая лишь попила, их обоих вытянули из жидкого дерьма на свежий воздух.

Что-то снаружи застрекотало, задвигалось, и привязанная за пояс верёвка медленно потянула Райс наверх, где оказался прокопанный наклонный лаз, по которому скользкое тело с лёгкостью протащило и вынырнуло в люк с крышкой.

Кутырка очутилась в узкой длинной комнатке, где пол, стены и потолок сложены из крупных массивных брёвен. Пол толстым слоем устилала свежескошенная трава. В одном торце вырезано окно, откуда падал свет и в помещение лился свежий воздух. В другом торце – тяжёлая дверь без засова. Царская дочь осмотрела себя, брезгливо сморщилась и схватив пучок травы принялась обтирать на груди кожаный пояс, ища как бы от него избавиться.

Такие резкие изменения в окружающей обстановке, разом заставили забыть все данные себе обещания по поводу борьбы за невиданную вершину, за решимость идти до самого конца и тут же заменились на мысли о немедленном побеге. Она и сама не поняла, как это произошло. Ну, вот просто в голове заклинило, напрочь заставив забыть все разговоры внизу.

Не найдя никаких завязок, кинулась к двери, почему-то решив, что там помогут. Дотянулась, натягивая верёвку. Заперто снаружи. Устремилась к окну. То оказалось высоко и требовалось сильно изловчиться, чтобы туда забраться, но глухой голос Апити раздавшийся из-за стены разом прервал все её метания.

– Райс.

– Что? – отрывисто и зло твякнула рыжая, лихорадочно разглядывая окно и исследуя подступы к нему.

– Только ты не вздумай там пёрышки чистить.

– Почему это? – недоумённо спросила ярица, оторвав наконец взгляд от вожаемой дырки в стене и ещё раз оглядев себя.

– Чем дольше в этом дерме прибываешь, тем быстрее к нему привыкнешь, – ответила из-за толстой стены Апити, похоже устраиваясь на боковую.

Райс кинула в угол пучок испачканной травы и замерла, прислушиваясь и осторожно выпрашивая собеседницу:

– А бежать отсюда никто не пробовал?

– А зачем? – раздался удивлённый голос Апити, – я же тебе говорила уже. Чтобы сюда попасть очередь стоит, да не каждую пускают. Кого пускают на круг, девы особенные, нечета остальным. Ты уж поверь. Да и сама подумай. Ну сбежишь ты, допустим. И куда пойдешь? К любимой маме под подол? И как там тебя встретят после твоего трусливого побега? Ну, прибить может быть и не прибьют, только кем ты после этого для всех станешь? Не знаю. Если бы я была твоей мамой, то прибила бы, чтоб не позорила. В леса побежишь на подножный корм? В пустую избу еги-бабы долг её отрабатывать? Или, где на поселении пристроишься в постельных рабынях в качестве живой подстилки?

– Да всё, хватит. Разошлась, – недовольно оборвала её ярица, тоже заваливаясь на травяную подстилку, – я просто спросила, бывали ли случаи.

– Я на эти круги больше года умоляла Матёрых Терема.³⁷ Не пускали ни в какую, хоть тресни. Одна постоянно трындела, мол мала ещё. Жирок нагуляй. Вторая «веселушка» вечно подкалывала, что-то вроде: «неча делать, круг топтать». Третья так вообще лишь отмахивалась и посылала меня по матери.

– Поняла. А что за Терем такой? Что за Матёрые?

– Так, Матёрых-то ты уже видела. Это те вековушки что волоком тебя сюда притащили, – ответила Апити и судя по интонации в голосе, похоже, уже решившая покемарить, переваривая обед, – а Терем – это Терем.³⁸ Дом Отца-Неба, Вала Всевышнего. Здесь все «особые» проходят испытания и обучение. Это место силы.

– Так мы что в Тереме Вала Вседержителя?³⁹ – озадаченно поинтересовалась Райс, усаживаясь спиной к той стене, откуда слышался голос новой подруги.

³⁷ Культурный клан колдуний, прошедших специальный ритуал приобщения к природным стихиям и имеющих на своих телах ритуальные рисунки по специализации приобщения.

³⁸ Место силы божества Вала (Отца—Небо). Культурный центр клана Троицы.

³⁹ Вал – изначально основное олицетворение Отца Неба. В отношении человека биполярно. Основная задача – климатический общеприродный баланс определённой территории. Главная функция взаимодействия с человеком – тренинг систем жизнеобеспечения путём принудительного разбалансирования первой второй и третьей систем (удуше жажда голод). Полового различия при воздействии не осуществлял. Единственный представитель потустороннего пантеона, имеющий имя собственное. Вал являлся центральной фигурой нежитийного пантеона. Все остальные земные, водные и воздушные в той или иной степени ему подчинялись. Культ сформировался в период последнего оледенения, когда погодные и климатические условия играли решающую роль в жизни человека. Изначально культ Троицы формировался на основе некоего «единобожия». Это «нечто» имел единое обобщение, соответствующее сегодняшнему понятию «природа». На каком-то этапе появилось ответвление в верованиях, заключающееся в том, что это «нечто» обрело три головы, олицетворяющие воздух землю и воду. «Нечто» трёхголовое в ходе эволюционного развития дало следующее ответвление – головы разделились и стали тремя независимыми «общностями» сохраняя при этом триединство. Эти две концепции некоторое время существовали параллельно. В конечном итоге победу одержал симбиоз: разделённое триединство: Отец Небо Мать Сыра Земля и Святая Вода, но при этом образ

– Ну, не совсем прямо в нём, но рядышком. Коли до окна дотянешься, сможешь разглядеть. Правда не весь. Отсюда только край видно.

Райс опять взглянула с вожделием на окно и принялась прикидывать, как туда можно вскарабкаться. Апити тем временем замолчала и рыжая, испугавшись что та уснёт и ничего больше не расскажет, спросила первое что в голову пришло:

– Как думаешь, что будет после этой вонючей ямы?

– А с чего ты решила, что у нас с тобой будут одинаковые круги?

– А ты думаешь будут разные?

– Я ведьма. У нас свои испытания. А ты – не пришей кобыле хвост. Даже не знаю через что тебя будут ломать. Хотя если честно, и для себя не знаю, что дальше будет, – горестно призналась «всезнайка», – меня вреде как река должна ожидать. Но это чисто наше, ведунье и тебя вряд ли коснётся.

Райс почесала ногу и как результат запачкала пальцы, вновь хватая пучок травы и с остервенением принимаясь оттирать дерьмо, матерно ругаясь про себя, но вслух задавая вопрос стараясь быть как можно спокойнее:

– Слышь подруга по сидению, а пояс этот снять с себя возможно хоть на отдыхе?

– Нет, – ответил из-за стены насмешливый голос, – верёвку тоже грызть не советую. Без зубов останешься. Наговор наложен и на то и другое. Колдовство крепкое. Крепче железа. Да и вообще не о том думаешь. Ты собираешься проходить свой второй круг или решила червей пожалеть и себя им скормить?

– Какой второй? – встрепенулась Райс и тут же поняла, что она полная дура, ведь первый круг она прошла в запечатанной бане, и тут же поправилась, – да собираюсь, собираюсь. Куда мне теперь деться?

– А раз «собираюсь», то реши с чем ты борешься. Вместо того чтобы драться с собой, ты воюешь с мерзостью что вокруг тебя. Ты дура Райс хоть и царская. Ты эту мерзость-то прими как родное. Пусти в себя. Да отрави ею брезгливого червя к едреней матери. По-другому у тебя не получится. А ты стараешься от говна отделаться и этого червя обезопасить всеми силами. Эдак долго будешь тут плавать.

Райс задумалась, и ей показалось будто поняла смысл круга. Но тут же с подозрением подумала о соседке, уж больно она умная какая-то. Пряма не девка, а целая вековуха.

– Слышь подруга, а ты откуда взялась такая умная? Откуда про всё знаешь?

– Ну, я ещё многого чего не знаю, да и не такая я умная как хотелось бы. А вообще хорошая наставница была.

– Так меня тоже не бездари учили. И наставницы, мама говорила, лучшие. А толку-то?

– Райс, – вдруг весело позвала Апити, – а тебя как царскую дочь пороли по твоей высококордной заднице?

– Ты чё с ума сбрендил? Кто б попробовал, и дня бы не прожил без оторванной башки. Соседка за стеной залиvisto рассмеялась.

– Вот поэтому ты и выросла душой.

– Но ты, – рывкнула в негодовании Райс, дёрнувшись, но тут же поняв, что обидчицу не достать, лишь со злостью сжала в руке пучок травы.

– Да ты не обижайся Райс, – вновь донеслось от обидчицы, – просто многие знания необходимо вколачивать через задницу. Их по-другому выучить не получается. Вот меня пороли

Отца Неба остался трёхголовым. Вал считался самой важной общностью т.к. он «порождал» погоду, а от этого напрямую зависела жизнь человеческого сообщества. Валовых мест существовало множество, и они «жили» в выделяющихся особенностях окружающего ландшафта. В первую очередь ледяные валы ледника земляные валы холмы горы. В дальнейшем Вал обзавёлся другими ландшафтными особенностями: обособленные лески рощи даже отдельно стоящие деревья и т.д. В дальнейшем культ Вала широко расселся по земле в первую очередь на юг (Ближний Восток юг Европы) всюду до куда дотягивалась степная орда, где звучал в разных транскрипциях (Вал Бал Бел Ваал и т.д.). В родных землях он нам известен как Велес Волос и т.д. В конечном итоге при конвертации культа Троицы к Православию принял облик Спаса Вседержителя.

через день да каждый день. Иной раз седмицу присесть не могла. Стойма стояла как кол, воткнутый в землю. А наставница только подтрунивала, мол «ни-чѐ-ни-чѐ» в стойма больше знаний влезет. Поэтому не хотела да умнела.

К ужину мучениц опять окунули в выгребную яму, и Райс с удивлением отметила, что морально была готова к этому и восприняла мерзость не как наказание, а как лихой бой или нешуточную игру, ополчив себя на то, что обязательно должна победить, и съесть то, что ей перепадѣт. Вот назло, но съест...

Через четыре дня белобрысую выпустили и Райс осталась одна-одинѣшенька. Ночью перед сном с удивлением отметила, что несмотря на то что новая подруга по всем статьям превосходит её, у царской дочери впервые не возникло желания убить соперницу, утопить или вообще как-нибудь избавиться от выскочки. Она тянулась к ней как к солнечному свету и оставшись одна затосковала даже, будто отняли что-то очень нужное.

Ярица начала много думать о делах, творящихся вокруг, притом размышлять деятельно, а не просто мечтать. Даже ежедневные купания в дерме с опарышами стали проходить обыденно, легко и незаметно, как бы само собой разумеющееся.

Дева не всегда отдавала себе отчѣт в череде повторяющихся событий, но спустя ещё три дня её в очередной раз вытащили наверх и перед ней распахнулась массивная дверь, а пояс сам собой отвалился, разделившись пополам. Испытание круга она прошла, даже как-то легко как ей показалось...

Глава шестая. Сколько б «хотелка» не хотела, «нехотелка» не хочет столько же. И если «вдольное» ещё пищит да лезет, то «поперечным» сто пудов подавишься.

Какое-то время яриц не трогали, расселив в огромном деревянном Тереме в центральной, самой элитной части. По крайней мере так уверяла «всезнайка» Апити. Строение Терема оказалось очень странным если не сказать большего. Целый город посреди леса, да не просто так, а будто рос как живой из собранных причудливым образом в один замысловатый «муравейник» больших и малых построек из дерева, разукрашенных витиеватой резьбой с узорами.

Определили дев в соседние светёлки, но они почти всё время шастали вместе. Даже ночи коротали под одной шкурой, занимая то одну, то другую спальню, таская с собой лишь подушки.

Как абсолютно разные создания, из далёких друг от друга слоёв социума, с непохожим жизненным опытом так долго и непринуждённо умудрялись безостановочно трещать? О чём можно было говорить днями и ночами напролёт без умолку?!

Подружившись ни разлей вода, разболтав все свои сокровенные секреты, излазив от безделья Терем сверху донизу с одного края до другого и его окрестности в поисках чего-нибудь интересного, подруги каждый день умудрялись находить всё новые приключения и занятия. Пока в один из осенних пасмурных дней с утра, чуть ли не с рассветом, в светёлку к Апити, где ночевали на одном лежаке обе прониры, не заявились сразу три хозяйки-вековухи.

Матёрые Терема разбудив заспавшихся кутырок, как всегда проболтавших безостановочно всю ночь, объявили расталкивая девок, мол хватит дрыхнуть бес толку пора и делом заняться и разогнали по своим светёлкам толком ничего не объяснив.

В спальню к Райс внесли дубовый стол, короткую скамью с проделанной дырой посредине и под эту скамью водрузили помойную лохань. Рыжая, восседающая на своём лежаке и с любопытством следящая за приготовлениями сразу поняла, что ей придётся долго ту скамью задом давить, раз нужду надлежит прямо там справлять.

Догадка деве не понравилась. Что-то было в этом неестественное. Только сначала она не понимала какого лешего за тем столом корпеть столько времени и что такого важного надлежит делать, если даже отойти по нужде будет нельзя.

В светёлку шаркая вошла Матерая, которую все уважительно кликали – Мать Медведица. Когда после «говённого» купания Райс знакоилась с этой «грозной» вековухой, то смех еле сдержала, то и дело хмыкая от гротескного несоответствия прозвища и внешности.

Матёрая Терема ростом от вершка корешок, да и всем телом какая-то мелкая и шуплая. С несуразно длинными тощими ручонками и крайне скудными седыми волосёнками. Глядя на неё убогую и нескладную, казалось, что в вековухе не хватает всего и сразу, везде и всюду. Но цветные колдовские узоры иссушенных рук, невольно заставляли уважать и побаиваться эту мелкую недоросль.

Матёрая вполне обыденно объяснила, что девке надлежит каждое утро, когда она будет входить в светёлку и будить, устраивать задницу на эту скамью и сидеть до вечера не вставая, пока она не придёт и не разрешит лечь спать.

В таком непонятном для Райс режиме «рабочего» дня требовалось продержаться всего, как сказала вековуха, каких-нибудь девять дней. А если непоседливая девка оторвёт от скамьи свою задницу, то со следующего дня срок сидения для неё начнутся заново, не зависимо оттого сколько она до этого уже отмучилась и вытерпела.

После инструктажа Мать Медведица, грозно смотря на рыжую в упор мелкими глазками указала рукой на сиденье с дырой, мол, давай, начинай, не задерживай, а сама, обойдя дубовый стол встала напротив, ожидая исполнения.

Райс сползла с лежака, обошла скамью, внимательно рассматривая и выискивая подвох. Потрогала, подёргала, а затем задрала подол и уселась голым задом пристраиваясь на дырку. Ей от чего-то стало весело. Сама не могла объяснить почему. Вот весело и всё. Изначально этот круг показался кутырке больно простым для прохождения.

Тут дверь в светёлку распахнулась на всю ширину и теремные девчонки гурьбой втащили корзины с разной снедью и принялись накрывать стол яствами. Хотя нет. Не накрывать, а заваливать его разнообразными разносолами: мясо, различного вида, рыба всякая, птица, соленья, выпечка. напитки на любой вкус, фрукты с овощами, ягоды. Чего там только не было. Аромат по светёлке поплыл такой, что рыжая чуть слюной не подавилась только от одного увиденного и унюханного.

Райс расплылась в улыбке голодного хищника потирая руки в предвкушении, и собираясь попробовать всего по куску, как Мать Медведица, подняв перед собой тощую ручонку остановила её естественный порыв, тут же уточнив, что касаться еды те же девять дней нельзя. И правило отсчёта испытания такое же что и при сидении. Съела ягодку, хлебнула ароматный отвар. Молодец девонька! Только со следующего дня опять засветит новые девять дней, будто до этого ничего и не было. И наконец, вековуха, улыбнувшись закончила:

– Ты можешь, есть, пить сколь в утробу влезет твою ненасытную. Плясать или валяться на лежаке кверху задницей, – инструктировала она ласково, – вот только из этой светёлки выйти не сможешь до той поры, пока не выдержишь положенные девять дней. Мне не жалко. Хоть всю жизнь тут у нас живи. Не обеднеем, чай. Прокормим как-нибудь.

И с этими словами Матёрая медленно развернулась и покинула светёлку. Дверь за ней закрылась. Райс задумалась.

Рыжая поняла, что её таким образом будут испытывать на силу воли, а дочь царицы всегда считала себя девой волевой, несгибаемой. Даже первые два круга, по сути, лишь на воле выдюжила. Поразмыслив недолгое время, Райс однозначно решила, что справится. Должна, по крайней мере. К тому же всё равно другого выхода нет.

Первый раз она не выдержала испытание в тот же день к вечеру, буквально перед самым приходом Медведицы. Отсидела за день задницу на жёсткой деревяшке с вырезом до «не могу» и решила схитрить, думая, что за ней откуда-то следят через дырочку.

Так как распущенный подол полностью скрывал под собой скамью вместе с поганой лоханью и её пахнувшим содержимым, то она решила если потихоньку приподнимется и разомнёт одеревеневшие ягодички, а потом так же незаметно пристроится назад, то никто не заметит обмана. Решила, сделала. Только села обратно прямоком в помойную лохань, так как скамья под задницей уже отсутствовала. Она просто исчезла! Совсем!

Самодовольная царская дочь не смогла пройти испытание ни через девять дней как думала, ни через два раза по девять как поначалу надеялась. Мучения оказались нескончаемыми. Высидеть девять дней на жёстком седалище при виде изобилия еды и оставаться при этом голодной, не могла она никакими силами. Хоть убей не могла, как ни старалась.

Наконец Райс перестала истязать себя и здраво подумав устроила себе трёхдневный отдых. Три дня ела всё подряд, пила без ограничения, скакала как коза на лежанке давая себе отдых, а заодно раздумывая и строя планы как этот долбаный круг мучений сподручнее пройти. Какие хитрости использовать? Какие ухищрения выдумать?

До этого царская дочь смогла продержаться только шесть дней и то в самом начале, а затем становилось всё хуже и тяжелее. Это как раз и натолкнуло рыжую на дельную мысль о трёхдневном роздыхе пред следующей попыткой мучений.

Отдых дал положительный результат. Она смогла продержаться целых восемь дней! Да и девять бы выстрадала, если не собственная оплошность. Чтобы хоть как-то размять задницу, Райс перекатывалась с одной половинки на другую и нечаянно, а может от голода голова закружилась, и она, потеряв равновесие кувыркнулась на пол со скамьёй. Пока падала, это колдовское отродье в виде скамьи исчезло будто не было.

В скором времени вошла Мать Медведица и увидев Райс валяющуюся на полу, беззвучно плачущую, и похоже не собирающуюся подниматься, тяжело вздохнула, подошла к безвольной деве покоящейся мешком и ничего не говоря уселась на пол рядом, складывая под себя ноги.

Измождённая рыжуха лежала без движения, подложив руку под голову и смотря тупым ничего не соображающим взглядом в пустоту комнаты. Она тихо лила слёзы ручьями, не выражая никаких эмоций на исхудавшем личике.

Матёрая тоже на неё смотреть не стала, а замерев столбиком устала не моргающий взгляд, куда-то в бревенчатую стену. Сидели так, не реагируя ни на что и по виду обеих ни о чём не думая.

– Можно тебя спросить, Мать Медведица? – вдруг спросила рыжая тихим голосом, не меняя при этом ни своего положения, ни без эмоциональной маски на девичьем лице.

Вековуха какое-то время помалкивала, также не меняя в себе ни единой чёрточки, но затем тяжело вздохнув и повернув к деве голову, успокаивая видно саму себя в первую очередь, ответила:

– С теми, кто на круге, говорить запрещено. Но у тебя вроде бы как круг порушен в который раз, а заново начнётся только завтра, то, пожалуй, в разговоре нашем не будет нарушения. Так что давай, спрашивай.

– Кого из меня растят на этих грёбаных кругах? – огласила страдальца самый важный для себя вопрос.

Райс приходилось себя постоянно обманывать, что из неё тут делают будущую царицу степей. Это придавало смысл всем страданиям, моральным истязаниям и душевным мучениям. Придавало смысла всему, что с ней творилось последнее время и давало великую цель, но вместе с тем она всё чаще стала ловить себя на предательской мысли, что это всего лишь самообман и это не давало необходимой уверенности в дальнейшей борьбе за выживание.

Поэтому продержавшись с невиданным трудом целых восемь нескончаемых дней, когда не хватило всего лишь одних долбанных суток, она надломилась, разочаровавшись в собственных силах. Ей позарез нужен был какой-нибудь стимул, пусть призрачный, но не лишаящий её всяческих надежд.

– Ты о чём? – непонимающе поинтересовалась Матёрая, посмотрев рыжей в зарёванные глаза.

– Ну, – замаялась ярица и на её помятом лице, тенью скользнуло подобие растерянности, – вот Апити – ведунья с редким даром. И она говорит, что здесь ей некий стержень выращивают. И по прохождению девяти заветных кругов она станет лучшей из лучших прорицательниц. Какой-то особенной. А я тут причём? У меня же нет никакого ведьминога дара. Кого вы из меня-то выращиваете?

Мать Медведица буквально расплавилась в улыбке. Сделав это мягко и плавно. Да такой свет от неё пошёл, что даже дева, валяющаяся на полу, эту улыбку боковым зрением заметила и сдвинув глаза на преобразившуюся вековуху, приготовившись к чему-то. Вековуха зашевелилась, поднялась на ноги и протягивая мученице руку, заговорщицки, давая на что-то надежду проговорила:

– Пойдём-ка на лежак, девонька. Там сподручней валяться. А я тебе так и быть расскажу кое-что.

Райс не хотела вставать. Даже шевелиться до этого не порывалась, но брошенное Матёрой загадочное: «расскажу кое-что», разом выдернуло рыжую из «ничего не хотения» и дева с

трудом поднявшись поплелась непослушными ногами к лежаку. Забралась на постель и свернувшись калачиком, буквально вся превратилась в слух и внимание. Мать Медведица присела рядом. Ласково погладила рыжую шевелюру.

– Никого мы здесь не растим, девонька, – довольная собой, но с некой долей печали в голосе проговорила вековуха, понимая видимо, что ответ Райс не понравится, – вы тут, проходя испытания сами по себе растёте. Нужное отрастает. Не нужное отваливается.

– Но зачем это всё? – непонимающе скривилась ярица, переворачиваясь на живот лицом к Медведице.

– А вот этого мне не ведомо, – всё с той же интонацией ответствовала рассказчица.

– А кому ведомо? – не унималась рыжая уже совсем не понимая.

– Троице естественно, – вдруг жёстко, приглушённым голосом будто боялась, что услышит кто, проговорила Мать Медведица и пристально уставилась кутырке в глаза.

Взгляд её стал настолько колючий, что рыжую аж передёрнуло.

– Не мы выбираем, кому здесь круги ходить, – продолжала в том же тоне Матёрая, – и не нам решать, что из вас получится.

– Как это? – опешила рыжая, – Апити же говорила...

– Твоя Апити – сорока-пустобрёха, ничего не знающая. Лишь бы потрещать. Выбор делается самой Троицей и никак по-другому. На круги нельзя попасть по собственному желанию, как и нельзя от них отвертеться. Высшие Начала нам указывают на таких как вы, а мы лишь исполняем божье повеление. Вот только...

Она неожиданно замолчала, закусив нижнюю губу, видно думая говорить или не стоит пока.

– Только что? – подтолкнула её решительно Райс, боясь, как бы вековуха не передумала раскрывать какую-то интересную тайну, которая наконец-то поможет ей со всем с этим разобратся.

– Только это редко кончается добром, – выдавила из себя седая Матёрая, потупив взгляд и помрачнев.

– Да объясни ты толком, – чуть ли не в приказном тоне потребовала уже перепуганная не на шутку дочь царская, которой тут же пришла в голову леденящая душу догадка, – мы жертвы для Троицы?

Матёрая Терема заметно вздрогнула, засуетилась и в раз исказилась лицом. По её кислому виду Райс поняла, что угадала. Рыжие волосы мгновенно встали дыбом, ком в горле перехватил дыхание, но Мать Медведица не дала ей кинуться в панику, успев взять себя в руки и порождая надежду, ответила:

– Не всегда, девонька. Коли вас выбирает один из Троицы, то да. Это жертва. Ни разу на моей памяти такие в свет не выбирались. Но тебя и Апити сразу двое выбрали, потому у вас есть шанс что выживите и станете такие же как мы «особые». Нашему «меченому» клану пополнение.

Райс от этих слов аж на четвереньки с живота подпрыгнула, забыв про панику и собственные похороны.

– Кто нас выбрал, Мать Медведица?

Та пожала узкими плечиками, отвернулась в сторону, но все же ответила:

– Тебя призвал сам Вал вседержитель да Мать Сыра Земля. Притом Святая Вода не препятствовала. Вроде бы как тоже был не против. А Апити твою, та же Мать Сыра Земля и Святая Вода затребовали, и Вал Вседержитель против не высказался, хоть призывом своим и не о благоденствовал. Но о тройном призыве я даже не слышала никогда. Вроде как может быть, но не бывало никогда.

– Мама знала про это? – поинтересовалась насторожено дева.

– А то, – призналась, не раздумывая вековуха, – мы с ней почитай всю ночь на пару ревели. Она тебя жалея. Я её.

– И как это происходит? – спросила Райс после долгой паузы раздумий.

– Что происходит?

– Ну, выбор.

Матёрая замолкла, уставившись на деву, будто опешила от её вопроса, а затем резко помрачнев сказала, как отрезала:

– Не надобно тебе знать этого. По крайней мере, не теперь, пока числишься на кругах.

– Расскажи, что можешь, – умоляла ярица.

– Про что?

– Да хоть про что. Коль про выбор не можешь, расскажи про круги. Какие они?

Мать Медведица губами пошамкала что-то обдумывая и начала излагать сжато и уклончиво:

– Ну, первые – это и не испытания вовсе. Так баловство почитай. Подготовка на будущее, но для всех обязательная. Чистят разум с телом да на крепость пробуют. Коль пройдёшь – значит годная для настоящих испытаний. Подготовка эта проходит долго и муторно. Ни на один год тут засиживаются такие быстрые как вы. А вот сами испытания скорые и смертельно опасные. При этом кто-то жертвует разумом, лишаясь его напрочь. Кто-то калечится телом, становясь уродом, а кто-то и с самой жизнью прощается.

Мать Медведица вроде как закончила рассказ, уставившись пустым взглядом в бревенчатую стену, а по спине у Райс дорожка холодного пота побежала. Молчали обе. Каждая думала о чём-то о своём.

– Зачем ты рассказала мне всё это? – нежданно-негаданно потребовала ответа царская дочь, да ещё с гонором, будто это ни она заставила говорить, – до этого у меня хоть теплилась надежда, виделась цель впереди. Хоть придуманная, но цель. Ради которой я терпела и пересиливала, а теперь?

Матёрая не ответила.

– Я думала, что вы растите из меня будущую царицу, – призналась рыжая, уже не скрывая своих амбиций от хозяйек Терема, – это подхлестывало и заставляло двигаться вперёд. Полагала, что, пройдя эти унижительные круги я кем-то по-настоящему стану. Кем-то важным и значимым.

– Так и будет, – прервала её сопливые излияния вековуха властным голосом, – пройдя теремные круги станешь одной из нас. А вот уж одна из нас становится главой нашего клана, и заодно как обязательный довесок, царицей степи с её вольными народами.

Райс опешила. В груди заколотилось сердечко как у загнанного зайца. Матёрая хитро хмыкнула, подёрнув плечиками, повернулась к очумевшей деве и продолжила:

– Не покривив душой скажу, что все, кто проходят теремные круги растят в себе будущую царицу. Мы все сёстры меж собой и все меж собой равны, а вот кому нас за собой вести, то опять решает Троица. Им сверху всё-таки видней.

– Как это происходит? – выпалила в азарте прикосновения к тайне рыжая.

– Ты поднимись сначала до нас, торопыга любопытная, – скривилась в ухмылке Мать Медведица, – не по делу тебе ещё такие вещи знать.

Райс уже и забыла о том, что могла стать выбранной жертвой, а не одной из «особых» дев, госпожой, всего признанной мира. Теперь её бредовая цель одномоментно приобрела статус реальности. Хандру как рукой сняло, а в глазах сверкнул азарт борьбы за мечту и далёкие победные проблески.

– Ты спросила, на кой ляд я тебе всё это рассказываю? – неожиданно спросила Матёрая после долгой паузы, и перейдя на шуточный шёпот заговорщицкий проговорила, – я обещала твоей маме: чем смогу – помогу. Хоть мы немножко с ней нарушаем правила, но Вал Вседер-

житель простит это мелкое прегрешение, а Мать Сыра Земля ни почто не выдаст нас на съедение. Ну как, рыжая? Помогла ль я тебе, чем смогла?

– Даже очень, Мать Медведица, – ответила восторженным шёпотом дева и разливаясь в благодарственной улыбке от счастья...

На дворе полетел колючими хлопьями первый снег, когда царская дочь пробудилась поутру сама без посторонней помощи и не узрев ненавистного стола со скамьёй замерла в полулежащем положении. После того памятного разговора и нескольких дней отдыха с размышлениями, она с первой же попытки выдержала сидение. Только вот не совсем следила за этими одинаковыми днями.

С вечера вроде, как казалось, что положенное высидела, но вошедшая Матёрая, загоня деву на лежак как всё последнее время, почему-то эту уверенность из Райс своим молчаливым поведением выбила.

Испив дежурный черпак воды, что ставился у изголовья и разрешался для употребления перед сном и после, она в сомнении упала на лежак. Потом собралась, встала и на обессиленных ногах нерешительно двинулась к двери. Тронула. Створка играючи бесшумно распахнулась.

Ошеломлённая рыжая, ещё какое-то время постояла, дыша полной грудью словно задыхалась без воздуха, а затем завизжала, да так что взбудоражила весь Терем по тревоге.

Когда на шум сбежались его обитатели, то увидели растрёпанную и измождённую деву, валяющуюся кулём в дверях и рыдающую навзрыд. Все как одна принялись неутешную поздравлять. Кто-то додумался воды подать и сунуть в ослабшую руку кусок лепёшки.

Райс пить не стала, а лепёшку, зажатую в руке, прижала к груди, озираясь на теремных девок, как бы кто не отобрал невиданную драгоценность. Сначала царская дочь валялась на боку, продолжая поскуливать, наотрез отказывалась даже садиться не то, что куда-нибудь идти. Наконец, сообщив с гомоном и девичьим щебетанием её подняли и торжественно сопроводили на теремную кухню, где исхудавшая до безобразия ярица, от которой лишь «лазоревые глаза остались», принялись стоя кормить только что сваренной постной кашкой.

Апители визжала с рыданиями по поводу только ближе к весне в разгар Разбитной Масленицы.⁴⁰ Всё то время что Райс отдыхала и обживалась в Тереме после прохождения третьего круга, рыжая постоянно дежурила у светёлки подруги-неудачницы. Переговаривалась с ней через закрытую колдовским запором дверь, давая советы с наставлениями и ругаясь на бестолковую подругу, вечно голодную. Белобрысая спокойно выдерживала сидение, но голодовку – ни в какую не осиливала.

Апители потом долго распинаясь в благодарностях за то, что Райс поддержала и заставила терпеть, каждый раз заканчивая благодарственные излияния одними и теми же словами только в разных интерпретациях: «коли б не ты подруга, я бы сдохла от обжорства окончательно иль сошла с ума от одиночества и собственной никчёмности». Райс выслушивала горемыку, сочувствовала. Повела о своих мучениях, лишь о разговоре с Матёрой умолчала...

⁴⁰ Масленица праздновалась две седмицы. Первая – поминальная, вторая – разбитная с весёлым празднованием.

Глава седьмая. По башке настучал – последние мозги отправил в задницу, а выпоров задницу – голове добавил разумения. Карусель какая-то получается.

Не дав Апити отойти от мучений голодного круга, отругав нерадивую девку за нерасторопность, Матерая, что звалась Водная Гладь повела двух доходяг на следующий круг. На все расспросы молчала словно рыба об лёд. Лишь спустившись в мрачные подземелья, как оказалось тоже имеющиеся у Терема, но куда любопытные девы не лазали из страха, вековуха, остановившись возле массивной дубовой двери и установив масляную лампадку на выступ в стене, злобно прошамкала, наконец отвечая на все их вопросы:

– Куды, куды? На «кудыкину» гору.

После чего натужно ухватившись далеко неслабыми для вековухи руками, отворила тяжеленую дверь, буквально втолкав кутырок без лишней церемонии в мрачное узкое помещение и столь же тяжело напрягаясь и старчески побряхтывая, заперла обратно массивную преграду, запечатав девок в темнице очень странного вида.

Потолок бревенчатый, невысокий. До него легко рукой дотянуться. Брёвна выложены не плотно и в щели между ними падал рассеянный свет. Ширина конуры в размах рук. Длинной в три их роста если выложить на пол. По бокам под потолком две глубокие ниши, вдавленные в стены, словно лежаки, только сколоченные в наклон к полу. Пока девы озирались, вертя головами в разные стороны, в комнатке неожиданно резко потемнело и через потолочные щели на кутырок обрушилась вода, как на водопаде, только тёплая.

– Это что за хрень? – завопила, скрючившись в три погибели Райс и укрывая лицо от обильного потока, стараясь перекричать шум искусственного водопада.

– А мне почём знать! – прокричала в ответ Апити, тоже складываясь в спине и подставляя шуплую задницу великому потоку, – я о такой попытке даже не слышала. Но что-то мне подсказывает, что это будет водное испытание. Помнишь, я тебе про реку рассказывала?

С этими словами белобрысая подруга указала на пол, заполняемый водой, но Райс и без неё уже видела, что вода никуда не уходит, а только накапливается. Рыжая, наоборот, указала наверх на встроенные ниши.

– Похоже, для нас сделано.

Подруга тут же полезла по стеночке в нишу, но Райс её одёрнула.

– Да не спешి. Вода поднимется, сами какашками всплывём.

Когда вода заполнила на половину верхние пологи, куда девки забились словно в бобровые норы с ужасом наблюдая как нескончаемым потоком, постепенно заливающим небольшое помещение, водопад резко закончился.

Подружки к этому времени с перепуга забрались на самую верхотуру и упёршись головами в потолочные брёвна, молча вглядывались в сверкающую поверхность, продолжающую рябить от капель, падающих с брёвен редким дождиком и наполняя оставшуюся воздушную прослойку, громкими и режущими слух в полной тишине булькающими звуками.

– Ну и чего нам ждать? – наконец не выдержала молчаливого сидения царская дочь.

– Да не знаю я, – отчего-то шёпотом прошипела Апити.

– Ты же говорила, что это как у вас на реке?

– На реке всё просто было, – продолжая шипеть принялась объяснять доморощенная всезнайка, – там отвод от русла в глине вырыт. Туда воду с реки пускали, чтобы на солнышке нагрелась и в ту мелкую лужу складывали девок. Как бы солнце не грело, всё равно девчонки по-быстрому мёрзли. А как пальцы рук и ног сморщатся и те начинали зубами стучать, то их оттуда вытаскивали.

– А почему шёпотом? – тоже вполголоса спросила рыжая, на всякий случай высунув голову из ниши и бегло осмотрев маленькую затопленную нору.

– Наставница сказывала, что с водой надобно всегда говорить шёпотом. Мол, мысли для неё слишком громкие и от них она свои водные уши затыкает, а к голосу наоборот глуха. Хоть заорись на неё. Притом, чем громче орёшь, тем для неё неслышнее.

– А зачем надо чтобы пальцы сморщились и зубы начали стучать? – зашипела рыжая, разглядывая свои мозолистые от оружия руки.

– Наставница учила, что когда пальцы сморщиваются, то тело переходит в какое-то первородное состояние. Сказку рассказывала, мол когда-то много-много лет назад все люди были водными. Не то будто рыбы, не то упыри болотные. И для того, чтоб ходить по скользкому дну и держать в руках осклизлые камни с дубинами у них кожа на пальцах буграми шла. Якобы им так было сподручней цепляться. Только я в эти сказки отродясь не верила. Как это люди могли всю жизнь в воде прожить. Хотя, судя по тому, что нас здесь в воде заперли, это мы на себе теперь и проверим.

– Так я не поняла что-то, рассказчица ты убогая, – не унималась Райс и раздражаясь на белобрысую, – зачем надо тело вводить в это, как ты говоришь первородное состояние?

– Наставница сказывала, что в том состоянии колдовство прилипает лучше обычного.

– Так нас что тут колдовать учить станут?

– Да не знаю я, – заражаясь Райсовым раздражением прошипела в ответ Апити, – чё прилипла как банный лист к заднице? Где ты видишь здесь наставниц? Кто учить-то будет? И как? – с этими словами она обвела поверхность воды рукой, наглядно показывая тупой царской дочери, что никакие наставницы не плавают ни по воде, ни под ней, – я ж сказала тебе, что о таком не слышала. Может просто промаринуют какое-то время да выпустят, а может ещё чё. Подождём – увидим. Куда нам рыпаться отсюда?

– Ой, сомневаюсь я что-то, что мы легко отделаемся. Я так думаю, каждый новый круг должен быть круглее предыдущего.

– Ты думаешь нас тут долго продержат? Небось, пока рыбы хвосты не отрастим?

– Тьфу ты пропасть тупоголовая. Да откуда ж мне знать-то про ваши ведьминские дела. Это ты у нас тут великая ведунья, вот и предскажи чего ждать-ожидать. Да не ври хоть сама себе. Боком вылезет.

На том шептание закончили и принялись ждать неминуемого.

Просидели так до вечера без какого-либо изменения ситуации. Райс сняла рубаху, полностью оголившись. Положила под голову, соорудив подобие подушки. Вертелась сбоку на бок, с живота на спину. Поныряла в тёплой воде, поплавала.

Встав на дно, убедилась, что вода доходит до самого подбородка. Отметила про себя что всё как нарочно предусмотрено именно для их длительного сидения. Залезла обратно в нишу, расслабилась, а когда неожиданно увидела плывущее из-за спины деревянное корыто, то аж вздрогнула с перепуганным визгом. Апити от её визга так резко дёрнула головой, что чуть бревно на потолке затылком не вышибла.

В корыте оказалась горячая еда и питьё.

– Ух ты, – нарочито весело вскрикнула рыжая, тем не менее с опаской оглядывая стены той стороны конуры, откуда выплыло корыто, но никаких щелей не обнаружив продолжила, – по крайней мере хоть кормить будут и то хорошо.

– А гадить куда будем? – задалась вопросом белобрысая ведунья, почёсывая ушибленную голову двумя руками.

– Понятия не имею. А ты видишь где-то отхожую лохань?

– Опять в говне придётся плавать, – обречённо подытожила Апити, отламывая крыло жареной птицы, поданный на обед.

– Не знаю, ни ведаю, – продолжила насторожено озираться Райс, – может после кормёжки и лохань всплывёт.

– Вряд ли, – осекла её подруга, продолжая уплетать за обе щёки приплывшую еду, – но поживём – увидим. Чай, не вечер ещё.

– Ну что за жизнь у царской дочери? – с драматичной наигранностью проговорила рыжая, отламывая вторую ножку птицы и принимаясь ею грызть, – а давай, как поедим в корыто им навалим.

Девки весело рассмеялись над задуманной шалостью, но это оказалось их последнее беззаботное веселие...

Опосля того как они поели и развалились по своим лежачкам тихо переговариваясь, а в щелях бревенчатого потолка померк свет будто солнце спряталось за облачко, под водой показалось непонятное сияние. Райс пригляделась и сквозь водную рябь увидела, как через стену, что напротив и куда девы лежали лицами, просачивается голубой шар, размером примерно с голову.

Вода изнутри засветилась, красочно переливаясь блёстками и преломляясь рябью поверхности. Рыжая лишь успела отметить про себя, что это сильно напоминает шаровую молнию, как шар вспыхнул голубым пламенем, блеснул грозowymi молниями и по всему телу царской дочери хлестнула боль, невиданная до сей поры. Да такая нестерпимая, что аж искры из глаз и глаза на лоб. Затрясло трясучкой до судорог и сковало так, что даже пискнуть не смогла. Да какой там пискнуть, как дышать забыла.

Кутырка не помнила сколько времени продолжалось это издевательство, только когда начала приходить в себя, то осознала, что до этого в глазах стояла полная темень и они теперь как бы постепенно проясняются. Сумрак ночи в голове светлел, постепенно обрисовывая контуры водяной поруби.

Райс заметалась в жутком перепуге в своей нише, оглядывалась по сторонам, но шар нигде не светился. И корыто что до этого плавало между девами, не проглядывалось даже на дне.

– Что это было? – завопила она со всей силы, обращаясь ни пойми к кому.

Но ей никто не ответил.

– Апити! – продолжила голосить рыжая, кидаясь к соседней нише.

Подруга оказалась без сознания, плавая с закрытыми глазами безвольным кулём. Райс даже изначально подумала, что белобрысая ведунья умерла, оставив её на мучения в полном одиночестве. Но начав трясти и нахлестав от души по щекам, подруга очухалась, и глотая воздух словно рыба, выброшенная на берег, принялась беззвучно биться о стену и потолок, мутузя руками-ногами будто отбиваясь от невидимого врага. Райс её еле успокоила.

Когда уж совсем стемнело в их водяной пыточной норе обе горемыки лежали в обнимку и тихо плакали, так и не поняв, как ни пытались, что с ними произошло и что это такое было.

Провалились в обнимку всю ночь, уснув только к рассвету. Утром подали завтрак всё в том же таинственном корыте, только выскобленном добела. Есть не хотелось вовсе, как отрезало. Райс лишь попила чего-то безвкусного, а подруга даже к питью не притронулась.

– Слушай, – шепнула задумчиво Райс, – а куда корыто давеча делось?

– Да леший⁴¹ его знает, – отвечала перепуганным шёпотом подруга, – когда эта хрень пролезла сквозь стену, корыто ещё плавало.

⁴¹ Леший – нежить Матери Сырой Земли. В отношении людей – биполярен. Положительное или отрицательное отношение формировалось на биоэнергетической совместимости данного человека и «Души Леса» притом леса конкретного. Обратень. Если группа людей сталкивалась с ним в лесу, то все видели одно и то же. Чаще всего в образе старика. То огромного, выше леса, то маленького ниже травы. Принимал образ медведя, собаки, коряги, дерева. Основная задача – поддержание биологического баланса в определённой части леса, в котором он обитал. Если лес большой, то в нем могло быть несколько Леших. К мужчинам и женщинам отношение различное. Женщин «слабых на передок» до гибели доводил крайне редко. В основном

– А почему шёпотом говоришь? – насторожилась Райс тоже зашипев и озираясь по сторонам.

– Та дрянь появилась в аккурат опосля того, как мы поели.

– Ты думаешь...

Они замолчали и синхронно скосили глаза в водную глубь как раз в то место, откуда вчера выползала шаровая молния, как это определила Райс своим повелением. Томительное напряжение длилось долго, почти нескончаемо.

– А может больше не будет? – с ноткой надежды зашептала рыжая, больше вкладывая в слова мольбу, чем предположение.

– А что будет? – тут же подвергла сомнению царские надежды, белобрысая.

Райс ничего не ответила, потому что сама находилась уже на грани, а та и не ждала от неё ничего, понимая, что ответ им не ведом в одинаковой степени...

Яркий шар голубоватого свечения выползал из стены медленно. Будто издевался над психованными кутырками. Пока он выполз наружу полностью, девки успели до синяков на ногах набрыкаться и до осипших глоток навизжаться. Райс даже в лихорадке неосознанных метаний скомкала свою мокрую рубаху и швырнула в эту светящуюся сволочь, вот только это не помогло.

Шар сверкнул внутри грозowymi разрядами и по всей девичьей спине будто кто оголённый нерв вдоль хребта хватил жгучей крапивой, заставляя её выгнуться дугой, оперевшись животом в потолок. Но эта «зубная боль» в позвоночнике оказалась не долгой, а хлестнула словно удар плетью со всей немереной колдовской дури, а затем медленно отпускала, как бы остывая со временем.

Не успела ярица осознать это явление, как второй удар нервной плетью врезал через правую ягодицу в ногу на всю длину до самых пальчиков. Райс попыталась расслабить мышцы, хватаясь руками за ошпаренную ляжку, где внутри бежала молния, прошивая болью где-то внутри и пронимая до костей. Она уже не кричала, потому что не могла, а стиснув зубы рычала раненым зверем срывая голос до хрипоты, переходя из состояния страха в необузданную ярость.

Боль опять начала стихать, но не дав как следует отдышаться, врезала воспалённым нервом точно так же по другой ноге. Затем «зубная боль» мучила в обеих руках по очереди. Потом выворачивало плечи, скручивало грудь. По прошлась спине, животу и меж ног. В конце концов добралась до головы.

Зубы прострелили одним разом в обеих челюстях, от чего у девы случилось временное помутнение рассудка и в какой-то момент рыжая выпала из реальности, ничего больше не ощущая и ни владея собственными мыслями. Сколько продолжалось это избиение Райс не помнила, но ей показалось это вечностью...

Экзекуции проводились по три раза на день как по расписанию. Сколь уже дней минуло ни та, ни другая уже не понимали. Девы ни то что перестали считать дни, но уже не сознавали ночь или день. Реакция на пытки у кутырок оказалось разной. Если Апити впадала в безвольную истерику ещё при виде врывающегося корыта, и который день ничего ни ела, ни пила, то

таких женщин забирал в лес на совместное с собой проживание. Как и все нежити Леший бесплоден, но не бессмертен. Он жил около 300—400 лет потом погибал. Для женщин в лесу существовало множество табу, за нарушение которых Леший мог вдоволь покуражиться над нарушительницей. Он иногда заглядывал в селения к одиноким бабам. Не редко такие женщины по собственной воле вступали в сексуальные отношения с ним. Тем бабам, которые попробовали «Лесного», обычные мужики и даром были не нужны. Любопытные девки иногда специально бегали на Лешего посмотреть, и он всегда выходил к ним голый с внушительным мужским достоинством. Кроме того, Лешие похищали человеческих детей. Если удавалось вернуть такого ребёнка за выкуп или жертвоприношения, то дитя очень долго возвращался к обычной жизни. Он становился диким, сторонился людей его тянуло в лес иногда терял дар речи, становился немым или начинал заикаться. Для того чтобы снять с него Лесную Печать проводили обряд перерождения.

Райс при виде плывущей еды приходила в бешенство и принималась яростно метаться в своей нише как лютый зверь в загнанный тупик и на нервной почве съедала за двоих.

Но шару было глубоко наплевать на их реакции и метания. Он неспешно вплывал через бревенчатую стену и монотонно мучил кутырок «нервной» болью. Разнообразно мучил, подходя к процессу так сказать творчески...

Они уж давно не разговаривали между собой, а просто молча лежали измождёнными и истерзанными куклами каждая в своей норе. Райс казалось даже, что у неё мысли все из головы выбило.

Она уже бедная всё перепробовала. И отбегала к дальней стенке, увеличивая расстояние. Вылезала из воды на изголовье ниши, стараясь не касаться ненавистной поверхности. Один раз даже вглубь нырнула и хотела ногтями эту дрянь достать, даже не побоявшись что подобный поступок мог закончиться смертью. И что она там могла просто захлебнуться и утонуть. Пыталась защититься от него скомканной рубахой, корытом, даже пряталась за Апити, но всё было бесполезно хоть ты на нём высерись.

Шар настигал её повсюду, где бы она не пряталась, и рвал болью нервы вдребезги в той последовательности, в какой хотел, как хотел и сколько хотел не зависимо от девичьих стараний и ухищрений...

Проснувшись в очередное утро, Райс, в неизменно тупом состоянии, в котором прибывала всё последнее время, в полной отрешённости от происходящего вокруг неожиданно задумалась. Может быть, впервые за эти дни. Вспоминая всё своё водяное сидение с самого начала, ей показалось будто со временем избиение молниями стало менее болезненно. «Начинаю привыкать к боли?» – спросила она сама себя. «Может в этом и заключается испытание?» И тут же с полной уверенностью отметила, что действительно последние разы она вполне сносно терпела нервную боль, ни то, что вначале. И вспомнив передёрнулась.

Прислушиваясь к ощущениям истерзанного и всюду болевшего тела, как бы ища доказательства привыкания, Райс поймала себя на незнакомом чувстве стянутой кожи, как от ожога. Она медленно потянулась, проверяя ощущение. Подняла над водой руки и ошарашено замерла. На всей длине рук отчётливо проступила ажурная голубая сеточка тоненьких молний, похожая на татуировку «меченых» баб, не раз виденную и в маминной бане, да и что-то подобное у Матёрых Терема.

Рыжая дёрнулась от неожиданности округляя глаза, рывком вскинула руки к свету и рассмотрела внимательнее. Затем забравшись на изголовье поднялась всем телом из воды и разглядела груди, тело и всё что удавалось оглядеть. Колдовская татуировка голубыми росчерками виднелась повсюду!

– Апити! – заморожено позвала она подругу.

Та не ответила, но встрепенулась и по побежавшей от неё волне Райс поняла, что та её услышала.

– У тебя тоже на теле татуировка высветилась?

Соседка резко вынула руки из воды, поднося их к щелям потолка на свет. Рыжей ответ не потребовался. Она его увидела. Апити, как и она стала расписана по всему телу кроме шеи и лица. Лишь внимательно рассмотрев рисунок, подруга возразила царской дочери:

– Это не татуировка, – шёпот Апити выражал наивысшую степень восхищения, – это что-то внутри. Под верхней кожей. Внимательней присмотришься.

– Получается, эта светящаяся хрень, что объявляется здесь по три раза на день выжигает нам колдовской узор через наши мучения, – тут же выдвинула своё предположение как доказанную истину Райс, при этом светясь от восторга, захватывающего дух, – а ты заметила, что с каждым разом терпеть боль становится легче?

– Ну не знаю, – пробурчала недовольная Апити, – что-то я такого не заметила.

– А я заметила, – торжествующе прошипела рыжая, – я точно помню, как было в первые разы и как в последние. По-моему, мы должны к этой боли просто привыкнуть и чем больше мы станем привыкать, тем лучше будет проступать колдовской узор. А как полностью разукрасимся, вот тогда нас и выпустят.

– И кто тебе наговорил эту несусветную чушь?

– Я так думаю! – гордо заявила царская дочь.

Апити ничего не ответила, но задумалась, а тут, как назло выплыло корыто, осведомив о своём присутствии лёгким всплеском и побежавшей рябью.

Впервые за последние дни у них не случилось истерики, а Райс даже решительно настояла, как следует подкрепиться. Раз им надлежит терпеть и сопротивляться неминуемому истязанию, то для этого нужны жизненные силы, а не сопли со слезами. И они с ожесточением набросились на еду, подьев всё что было в корыте. Затем обе насупились, нахохлились как клуши, поудобней устроились на своих лежаках в боевом настрое и принялись ждать лютого побоища, вернее очередного избиения.

Заструилось голубое свечение. Сквозь брёвна полез ненавистный пузырь с розовым содержимым. Райс со всей накопившейся в ней яростью швырнула в мучителя скомканную рубаху, и сдавленным обидой голосом прокричала: «На!» и замерла готовая ко всему. Шар голубого свечения, вылезший из стены почти на половину, моментально покрылся мелкими трещинами словно раскальваясь внутри, резко помутнел, сделавшись молоком и пополз туда, откуда только что вылезал, а ярице, швырнувшей рубаху, руку будто неведомым огнём обожгло.

Она медленно поднесла к лицу разогретую ладонь. Скомканная кожа действительно из белой превратилась в красную. Рыжая подняла вторую ладонь для сравнения. Та, оставалась мертвенно бледной будто из неё всю кровь высосали. Райс перевела взгляд на Апити. Та, вытаращив глаза, ошарашенно уставилась на подругу, но тут же поймав её взгляд зашипела:

– Что ты сделала?!

– Не знаю, – сконфуженно ответила дочь царская, – я вот так, – и она показала, как, – швырнула рубаху и крикнула «На!» и руке вдруг сделалось тепло, а шаровая молния вся пошла трещинами и будто заполнилась молоком.

Не успели девки осознать, что же Райс такого наделала, как с другой стороны, со стороны двери появилось новое свечение. Там сквозь дубовую дверь вылезало очередное наказание. Девки, словно сошедшие с ума принялись выкидывать вперёд руки, голося «На!» на все лады и что было девичьей мочи пытались и этот шар трещинами раскрошить.

Но на этот раз ничего не получилось, как ни старались и ни кочевряжились. Он вылез полностью и врезал им обеим по самое «не хочу». Только когда Райс получила уже четвёртую «нервную плеть», она уже со слезами отчаяния, превозмогая нестерпимую боль вновь выбросила руку в направлении истязателя, уже не надеясь ни на что. Тот тут же растрескался, заполняясь мутным молоком и плавно спрятался за дверь, не причинив им больше боли.

– Да! – завопила Райс до оглушающего визга, ликуя сквозь застилающие глаза слёзы, в один миг забыв про все страдания.

– Райс как ты это сделала?! – тоже забыв избиения, кинулась к ней белобрысая подруга, – научи меня, я тоже хочу!

– Да не знаю я, – кричала Райс, обнимая ревущую Апити, – я делала, делала. Поначалу ни хрена не делалось, а потом раз и врезала.

После хорошенько подзаправившись обедом, они вновь принялись ждать неминуемого боя. Теперь у яриц забрезжила надежда, что рано или поздно они тоже научатся бить эту круглую хрень своей «нервной плетью» и тогда возможно от них отстанут и отвяжутся.

Первый шар Райс разбила играючи, как только тот полез сквозь бревенчатую стену. Их победный визг слышал, наверное, весь колдовской Терем. Со вторым шаром пришлось

немного помучиться и рассыпать его лишь только после трёх плетей, пропущенных по своим нервам.

Кутырки от избытка нахлынувших на них чувств принялись плясать, прямо плавая в воде. Только рано радовались. Выполз третий, и отлупил их за милую душу. Ничего они с ним поделывать не смогли, как ни старались.

– Видимо истоцилась, – подытожила собственные побои рыжая, плавая в изнеможении, как отходы жизнедеятельности в своём водном кармане кверху попой.

Опосля очередной кормёжки рыжая своим царственным повелением, не требующим от белобрысой никаких возражений и отговорок, жёстко потребовала:

– Давай Апити, впрягайся. Ты же видишь мне одной с ними не справиться, а со временем похоже их только больше будет. Это уж как пить дать и к еги-бабе не ходи.

Ярица как в воду глядела. Всё так и вышло. У Апити получилось лишь на третий день и то лишь на третьем истязателе, когда рыжая от бессилия взвыла пронзительным визгом и заревела в голос от отчаянья. Этот вопль неожиданно встряхнул светловолосую и придал ей нужную злость, в ореоле которой у неё и прошла первая «нервная плеть». Радости Апити не было придела.

А потом началась настоящая война, хотя сначала с переменным успехом. То у них получалось, то им попадало от всей души. Боль, что причиняли шары, даже Апити заметила значительно снизилась, а у них наоборот получаться стало от раза к разу лучше прежнего.

Наконец настал тот радостный день, когда девы одолели все шары по очереди, не получив при этом ни единого удара по своим истерзанным телам. И когда шестой по счёту шар после ужина уплыл расколотым в дверь, что-то стукнуло, брякнуло и вода пошла на убыль, утекая куда-то из их глухо запертой конуры.

А когда стемнело, вся вода уже ушла. Они стояли на мокром полу держа в руках скомканные рубахи в ожидании какого-нибудь чуда, усталились на дверь и затаив дыхание. Снаружи звонко щёлкнуло, и тяжёлая дверь медленно открылась, впуская в темноту пыточной свет копящихся масляных светильников, что держали Матёрые Терема доброжелательно улыбаясь прошедшим очередной круг кутыркам...

Глава восьмая. Если без меры пихать всё что впихивается, так и меру саму ненароком запихаешь туда, потеряв последние границы дозволенного.

На дворе дело шло к лету, когда две красавицы, татуированные узорами отоспавшись почти два дня без продыху впервые вышли на совместную прогулку.

За Теремом рос огороженный лес или священная роща, как именovala её Мать Медведица. Хотя для яриц она больше походила на ухоженный сад. Аккуратные дорожки выложены тёсаным поленом, цветы высажены опрятными полянами. Ни диких зарослей травы не найдёшь, ни валежника. И земля в лесу ровная, словно вода в озере.

Только где-то в глубине, ближе к высокому частоколу возвышался странный земляной холм в полтора человеческого роста, где по ровному кругу со знанием колдовского дела были разложены большие камни.

Они на пару под ручку гуляли по чудному саду не в состоянии надышаться лесным воздухом. Гордые собой, то и дело на показ выпячивали узорные рисунки на руках и босых ногах перед встречными теремными девками.

Гуляя и показывая себя во всей красе кутырки меж собой заговорщицки перешёптывались, соображая, что их ждёт на следующем круге, чувствуя щуплыми задницами, что отдыхать им долго Матёрые не дадут. Не дали. В одно прекрасное утро Райс проснулась довольная сном, потянулась шурясь в улыбке и тут её словно «нервной плетью» по лицу врезали, так её перекосило родимую.

На скамье у лежака сидела Любовь – третья Матёрая Терема. Рядом с ней две теремные кутырки на подросте, лыбясь во весь рот от непонятной радости и с восторгом глаза на проснувшуюся. «Началось», – подумала про себя рыжая, а у самой аж ручонки задёргались в предвкушении очередной порции боли и издевательства.

По знаку властвующей руки вековухи, кутырки вскочили с мест как ужаленные и накинулись на царскую дочь словно натравленные собаки на зайца. Райс хоть и опешила от такого пробуждения, но намерено сопротивляться не стала, понимая, что бесполезно. Девки тем временем на пару принялись за её рыжие космы. Они чесали их костяными гребнями, разбирали на тонкие пряжи, вычёсывая каждую отдельно. Вынув откуда-то по клубку тонких нитей из золота, принялись вплетать их в распущенные и собранные отдельными пряжами волосы.

Процедура проснувшейся ярице показалась отчего-то бестолковой и уж слишком затянутой. Мало того, что она осталась без завтрака, так ещё от безделья и постоянного сидения в одной и той же скрюченной позе хотелось прибить этих криворуких и медлительных дур.

Даже после того, как они всё закончили, Любовь подошла, придирчиво осмотрела их работу, по-доброму пожурила. Так, без ругани. Указала на мелкие ошибки ... и заставила всё переделать! Там ей видите ли узел не тот вывели, там плетёнка «как бык поссал», а где-то вообще у девонек руки не из того места выросли. Ярица глухо зарычала словно затравленный зверь, понимая, что сидеть ей ещё тут до посинения.

Выпустили Райс лишь на обед, когда на кухне забили в призывные котлы. «В доску» измученную чрезмерным вниманием, злую как собаку и с чешущимися руками кому-нибудь врезать если не «нервной плетью», так кулаком наотмашь, чтобы от полученного мало не показалось.

В узком коридоре у распахнутых дверей её караулила белобрысая подруга. Она-то как раз чуть и не попала под горячую руку, доведённой до тихого бешенства царской дочери. Но реакция будущей ведуньи на экзотический вид странно причёсанной ярицы несколько остудила пыл кипения рыжей ярости.

Лишь узрев её, светловолосая сконфуженно улыбнулась, засмушалась, покраснела будто девка навидане и вместе с тем стыдливо восхитилась, широко распахнув заблестевшие глазёнки и при этом прикрывая рот ладонями явно выдавая своё замешательство.

Вид у подружки был как у кутырки подглядывающей в щёлку за чем-то непристойным, но жутко любопытным. Райс с самого начала заподозрила, что эта белобрысая дрянь обо всём этом что-то явно знает больше нужного, но рыжая находилась под надзором Матёрой, поэтому разговор у дверей не заладился. Вернее, вековуха тут же заткнула их попытку поговорить.

На обеде подружки лишь перекинулись парой слов и то с набитыми ртами, чтобы Любовь ничего не заметила.

– Давай по-быстрому, – начала допытываться Райс, – чего нас ждёт на этом грёбанном круге.

– Ну, не нас, а тебя, – так же что-то пережёвывая ответила Апити, – только почему тебя одну? Непонятно. Я ведь тоже хочу.

– Чего хочу? – взъелась рыжая бестия, – говори толком дрянь белобрысая. Чего мне ждать от этого «причесона»? Имей ввиду, я уже в таком взвинченном состоянии, что и прибить могу ненароком коли что.

– Не ори, стерва рыжая. Славу⁴² тебе девичью растить будут, – пробурчала Апити с набитым кашей ртом, – только как, не ведаю и не спрашивай. Наставница говаривала, мол девки... вам понравится «по самое не хочу». Мол пищать и верещать от восторга вам до мокрых ляжек.

– Что-то верится с трудом, – тут же отреагировала Райс, запивая кашу холодным молоком, – с чего бы это хорошо стало после того, как было хуже некуда. Чует моё сердечко, кроушкой умоюсь вместо колодезной воды.

– Не знаю. Но она никогда толком про круги не рассказывала. Вечно хитро лыбилась и строя утайки, догадайся мол сама. Но если учесть, что каждый новый круг круглее предыдущего, то надо ждать «подарочка».

– А почему меня одну расфуфырили? Тебе что, не надо Славу выращивать?

– Да чего ты меня-то пытаешь? Вон пытай Матёрую. Я сама в недоумках. Сказала же – тоже хочу обзавестись таким оружием, чтоб мужиков одним взглядом в поленницы складывать.

Как выяснилось после обеда, про Апити не забыли. Просто очередь до неё дошла позже, когда закончили с Райс.

Вечером перед сном к царской дочери пожаловала Любовь. Дала рыже–золотой кутырке выпить чего-то безвкусного и пожелав приятных сновидений тоном мол «вот ты и попалась дрянь рыжая» закрыла за собой дверь, предупредив напоследок, что прыгать на запертую преграду бес толку и что, когда надобно будет тогда сама откроется.

Райс, ожидая чего угодно от этого неминуемого круга заранее напугалась. Как можно удобней устроилась на лежанке и принялась ждать конца своего света, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Сначала почувствовала, как то, что выпила согрело живот, а затем стало опускаться вниз, растекаясь там волной приятности. Ощутила, как нечто тёплое стекло ещё ниже достигая воло-

⁴² Слава – особое качество человека, одна из разновидностей магической силы. Очень сложно сегодня дать понятие этому качеству. Слава – это привлекательность, сексуальность, обворожительность, очаровательность, обольстительность, ослепительность и тому подобное всё вместе взятое и доведённое до высшего состояния. В человека, наделённого высокой Славой, представители противоположного пола просто влюблялись, теряя всё и в первую очередь голову. Слава, как и любая разновидность силы не является врождённой. Славу нужно в себе возвращать, развивать, повышать её уровень. Раньше этим занимались исключительно девушки. В давние времена существовало множество магических ритуалов, повышающих Славу. Её можно повысить водой, именно вода придавала красоту и привлекательность, при том только живая вода. Надо помнить, что у каждой силы есть свой период полураспада. Силу, которую вы не тренируете – со временем уменьшается. Люди с обнулённой Славой превращаются в «невидимок». Они незлыки и не приметны. На них натываются, наступают, но при этом даже не замечая.

сатой девичьей щёлки и там разлилось во все стороны, перехватывая дух сладкой негой впитываясь в пах.

Набухла похабная бабья горошина, заныла неведомым желаньем, заскулила беззвучно требуя ласки, призывая погладить, потрепать с нежностью, ну или хотя бы прикоснуться пальчиком. Ярица задрала подол рубахи, настороженно оглядела себя в том месте, и протянув руку ни то почесала, ни то погладила. От чего низ живота ответил волнительным блаженством до кожных мурашек и трепетной истомы. В пересохшем горле будто застряло что, заставляя деву сглотнуть тягучую слюну, а лицо словно в жар бросило, покрывая лоб испариной.

Она принялась гладить свою щёлку настойчивей, запуская палец в расщелину. Та в ответ податливо «потекла» орошая вокруг себя скользкий сок вожделения. Нарастало непонятное возбуждение. Приятно было «до не могу, а ещё хочется». Мельком подумала, что если таким и будет издевательство, то согласится задержаться на этом круге. Спешить не куда.

И тут же устыдилась своей распушенности, но от осознания греха, возбуждение только резко добавилось, накатывая валом, перехватывая дыхание и захлестнув ярицу с головой, обрушилось фееричным взрывом искр и эмоций сладострастия. Тело охватила божественная дрожь, прокатывая волнами блаженства по всем внутренностям, сбивая дыхание и биение сердца, от чего рыжая издала произвольный сладостный стон умиротворения.

Расплылась в улыбке от неожиданно накатившего счастья, охватившего тело с разумом и всю душу целиком, продолжая себя поглаживать и запуская пальчики в срамные губы, где уж совсем сделалось горячо. «Троица, хорошо-то как», – неосознанно промелькнуло признание.

Так за мыслями о сказочном удовольствии подошла к ней вторая волна судорожной истомы. Затем почти сразу третья... Затем ещё и ещё, она уже не помнила их количество. Каждая волна заканчивалась пиком от высоты коего ярица безудержно стонала в блаженстве. А потом эти пики срослись, став непрерывными, слились в единый ураган нескончаемого наслаждения и сладостных судорог...

Райс уже не понимала, где шныряли её блудливые ручки, лишь осознавала, что пальцы болели от напряжения, вцепившись в тонкое шкурное одеяло, на коем возлежала поверх абсолютно голая, не помня, как разделась и куда кинула рубаху. Но точно помнила какими-то урывками, что всё дальнейшее издевательство происходило уже без её «ручного» участия. Всё вокруг потемнело будто светильники водой залили... Дальше в сознании лишь разноцветные пятна, плавающие в глазах... Потом видела радугу...

Очнулась в кромешной темноте. Только не от затемнения в глазах, а просто лампадка потухла. Поэтому совершенно не понимала, день на дворе или ночь. Вся мокрая и абсолютно обессиленная. Подёргав руками в разные стороны, поняла, что не только сама мокрая, но и вся постельная шкура хоть выжимай. Складывалось ощущение, что кто-то окатил водой из ковша с ведро. Плеснул на неё, а заодно и лежак намочил.

Пить хотелось будто седмицу не поили. Протянула руку к широкой скамье у изголовья. Нашупала посудину с водой, но сил поднять совсем не осталось. В теле воцарилось состояние полной измождённости и бессилия. Райс даже померещилось, что она досуха выжита, а затем ещё и высушена.

Внизу живота тукал предательский пульс, и каждый его полновесный тугой удар отдавался мягкой щемящей истомой, но терпимой пока, тут же опадая меж гулкими волнами притока крови.

Дева понимала, только не зная откуда, что лучше всего валяться вот так расслабившись и ни шевелясь, не провоцируя истому. Но пить хотелось до одури. Напряглась. Спустила на пол правую ногу, за ней левую и широко раскорячившись села, поддерживая бессильное тело трясущимися руками опираясь на лежак. Те дрожали с такой силой, что голова болталась в разные стороны. Губы скукожились в куриную попку, ссохлись и растрескались. Даже ноги

тряслись в пакостной лихорадке, несмотря на то что сидела на заднице и кажется их вообще не напрягала.

Поставив ступни на прохладный пол, облегчённо вздохнула, так как внимание на некоторое время с горящей жаром промежности переключилось на ощущение приятного холода под ногами. Осторожно взяла дрожащими руками глиняную крынку с водой и жадно, расплёскивая воду по пылающим грудям выпила всё содержимое.

Но ещё когда пила, утоляя жажду, в голове пронеслось: «Лучше бы ты этого не делала». Влага долгожданной прохладой провалилась в огнедышащее нутро, моментально брызнув через поры остужающим потом, будто кожа сделалась решетом. А тут и измученная промежность зашипела, возвращая чувствительность детородному органу и волна возбуждения нахлынула по новой, накрывая деву с головы до ног, будоража «бабью ягодку» да так сильно и неистово, что на границе сознания зародился испуг, что ещё чуть-чуть, и эта «хотелка» лопнет к едреней матери забрызгивая сладострастьем всё вокруг.

Ненамеренно схватилась за неё рукой, как хватаются за больное место и... стоны, крики отчаяния, мольбы вперемежку с матами. Фигурное катание по полу в лихорадке сладострастных судорог. Битьё головой обо что-то твёрдое. Вцепившиеся зубы в свисающий край одеяла, попытались во что бы то ни стало стащить накидку на себя, а там как-нибудь затолкнуть скомканную шкуру целиком между схваченных судорогой ног. Стараясь не давать пылающим ляжкам сжиматься и сдавливать ту ненасытную часть тела, что хотела и хотела, жаждала улады и взрывалась всё новыми и новыми волнами бешеного блаженства...

Это уже не походило на радужное счастье. Это стало похоже на терзанье плоти ненасытным чудовищем. Лютый зверь, что поселился между её ног, решил измотать жертву до смерти лишь бы получить желаемое...

В другой раз очухалась на половину от ненавистного кошмара, лёжа на мягкой лежанке головой на пуховой подушке как положено, только при этом руки с ногами растянули в стороны и к чему-то крепко привязали. Рыжая никак не могла прийти в себя полностью сколько ни пыталась. Тело горело огнём словно плавало в кипятке и бесчувственно сварилось до готовности. Пить хотелось до умопомрачения. Состояние глубокого опьянения в коем она прибывала не давало возможность сосредоточиться хоть на чём-нибудь.

Кто-то поднял голову крепкой рукой и поднёс к губам сосуд со спасительной влагой. Не открывая глаз и даже не задумываясь, кто бы это мог быть в её запертой светёлке, Райс жадно принялась опустошать посудину. Захлёбываясь от нетерпения, кашляя и задыхаясь, трясясь от зверского желания утолить жажду, она несмотря на отсутствие сил лихорадочно тянулась к ёмкости с водой и пила, пила, пила.

Напоив кутырку, её опять опустили в пуховую подушку. Она задышала так, будто воздух вокруг выкачали. А эта сволочь поселившаяся внизу живота всё тукала и тукала, как бы затаившись в ожидании, когда же жертва придёт в себя полностью чтобы вновь вцепиться в её волосатую щёлку кровавыми клыками и добить ярицу блаженством в сладостных конвульсиях. Дева, несмотря на то что не могла сосредоточиться, и при попытке открыть веки у неё в глазах всё моментально начинало плыть и вертеться, тем не менее попыталась ещё что-то думать.

Эту тварь, вцепившуюся между ног и надувающую там «бабью ягодку», готовую уже взорваться от переполнившего её возбуждения, Райс отчётливо воспринимала как безжалостное и беспощадное чудовище. Рыжая стала лихорадочно соображать, как его можно убить или хотя бы избавиться от этого прицепившегося к ней наваждения. Но единственное что приходило в парализованную голову, это мысль, что надо во что бы то ни стало успокоиться и не двигаться. Ибо любое её колыхание эта ненасытная тварь воспринимает как начало для новой стремительной атаки.

Кто-то вновь приподнял голову и принялся кормить с ложки непонятной бурдой, склизкой и совсем безвкусной. Или она уже просто не чувствовала вкуса? Но так как зверь при её

кормёжке вёл себя смиренно и даже несколько успокоился, рыжая решила есть через силу и через не хочу, хоть этим оттягивая время его расправы. Наконец накормив, кто-то принялся развязывать руки и ноги. Райс скривилась от нежелания быть свободной и даже попыталась заныть, всем видом показывая, что не надо этого делать.

Зверская истома, почуяв долгожданную свободу словно голодная волчица вгрызлась в нежную плоть подаренной жертвы. Стон отчаяния вырвался из груди царской дочери. Она попыталась зареветь от обиды, но слёзы похоже кончились. Они отказывались литься, как рыжая не пыталась. И тут очередная судорожная волна ненавистного блаженства накрыла не только неподвластное тело, но и голову с её жалкими мыслями, не давая ничего предпринять в свою защиту, и кажется, вообще теряя осознание происходящего.

Пытка началась заново. Извиваясь и крича не своим голосом, умоляя и требуя смерти, согласная уже на всё лишь бы закончить эти муки сладострастия... Наконец наступила спасительная темнота, и силы покинули деву окончательно. Вместе с жизнью, ни пойми зачем прожитой...

Перед глазами стояла пёстрая и яркая радуга, переливаясь из цвета в цвет плавными волнами и дрожа раскалённым воздухом, что обычно плавится в степи у земли в жаркий день. Райс вяло приоткрыла опухшие веки, словно нехотя, но красота во взоре никуда ни делась. Ярица видела потолок своей светёлки как бы сквозь пёструю пелену, отчего бревенчатый свод превратился в разноцветное дребезжащее марево. Рыжая долго тупо рассматривала радужный потолок с плавными переливами, не имея в голове ни единой мысли и ни единого отголоска чувства хоть какого-нибудь.

Накрыла апатия ко всему на свете. Первая мысль, что безмятежно проплыла в пустой голове: «Вот я и померла». Это прозвучало без единой капли сожаления и абсолютно равнодушным усталым голосом, даже облегчения не испытала от того, что мучения закончились. Попыталась ощутить истерзанное тело, но его не было. Тут зародилась первая робкая эмоция – жалось к себе любимой.

Райс ощутила горло и комок обиды в нем, сжавший глотку и выдавивший слезу, смачивая глаза. Хотела её неосознанно смахнуть рукой по привычке, но вместо этого почувствовала, как рука лишь слегка дёрнулась, где-то там далеко внизу, валяясь вдоль безвольного тела. И тут в сознании явилось туловище целиком. Даже реветь как-то расхотелось, когда поняла, что тело её где-то есть. Где-то там, ниже. Распахнула глаза и попыталась поднять голову чтобы посмотреть, что от него осталось. И первое, куда она обратила вновь появившееся внимание – низ живота со всеми его атрибутами.

Дева настороженно прислушалась, заранее шевеля на голове взъерошенные волосы зарождающимся ужасом, но зверя там не оказалось. Она его не ощущала. Осталась противно тянущая тяжесть будто мышцы надорваны, но расслаблены. Понимая, что стоит ей только дёрнуться, как в полной мере почувствует боль. Ощутила жар сосков, воспалённые груди. Даже лёгкое их шевеленье при подъёме головы отозвалось жгучим предчувствием неприятной боли будто с них содрана кожа, оголив нежное чувствительное мясо.

– Лежи, не дёргайся, – потребовал старческий голос со стороны.

Райс послушно уронила голову на пуховую подушку. К лежаку подошла Любовь, светясь как весеннее солнце, и внимательно осмотрев лицо царской дочери зачем-то низко к нему наклоняясь и заглядывая в глаза, спросила равнодушным голосом:

– Ну и что плавает перед глазами?

– Радуга, – одними губами прошептала мученица, тут же почувствовав, что они перестали быть эластичными, а стали болезненными, будто неживыми и растрескались глиной, высушенной на солнце.

– Во как! Радуга! – встрепенулась Матёрая, – что-то я не припомню такой зацепки на Славу. Вот у мамы твоей сколько помню по давности плавают облака, притом розовые.

Последние слова она произнесла со сдавленным смешком, и тут же приподняв замученной кутырке голову, приставила к губам посуду с тёплым пойлом пахнувшим приятным ароматом. Ярица дёрнулась, вспоминая все приходящие последствия после того, как пила в последний раз, но Матёрая тут же её успокоила:

– Всё кончено, девка. Успокойся. Мы и так тебя трижды с того света вытаскивали. У меня в последний раз аж спина взмокла как старалась, чуть сама не сдохла. Хватит с тебя, покамест. Отдыхай от наслаждений, а то ещё понравится, привыкнешь, потом оттаскивай тебя от этого за уши.

– Я умирала? – изумилась Райс сдавленным шёпотом, распахнув подёрнутые слезой глаза.

– Умирала, умирала, а как же без этого, – успокоила Любовь деву тоном будто так и надо, – но ты не бойся красавица. На этом круге помощь оказывать не воспрещается. Поэтому мы здесь никому помереть полностью не даём. Так что пей мясной отвар. Восстанавливай силы.

Спаивая наваристый отвар, Матёрая начала инструктировать деву о дальнейших действиях. Как оказалось, радуга в глазах постепенно сама развеется, как натруженное тело ослабит и полностью успокоится, но Райс предстоит научиться вызывать её по желанию, а для тренировки дверь в светёлку останется под мороком. Снять его и выйти, впрочем, как и войти в светёлку, можно лишь породив вокруг себя девичью Славу. А последняя у ярицы будет зарождаться, когда появится радуга в глазах, но тут же успокоила что это дело нехитрое. Только навык нужен, а так как Райс девка смышлёная, то сама разберётся без сторонних советчиков.

Напоив болезную царскую дочь, вековуха оставила отдыхать и посоветовала поспать. Уверив в том, что, чуток поспав, придёт в себя быстрее обычного и уже через день другой будет скакать по Терему как коза, обожравшаяся мухоморов, правда, пока как хромя коза на обе ноги, а в остальном вроде будто ничего и не было.

На этой весёлой ноте Любовь её покинула, оставив Райс одну разглядывать на потолке свою радугу. Только лишь дверь за вековухой закрылась, ярица вспомнила о подруге, но спросить вдогонку о судьбе Апити не успела, а во вслед кричать не могла от бессилия.

Белобрысая заявила тут же, будто караулила, прошмыгнув в дверь светёлки и нависая ликующей физиономией над трижды помиравшей царской дочерью.

– Здрава будь, рыжая, – не скрывая бурной радости выпалила Апити, – ни чё ты тут себе для пьески праздник устроила. Долго же ты ублажала себя, ни то, что я со своими скромными запросами. Я уж второй день вокруг терема круги нарезаю, а ты всё не насладишься собой. Ну ты ненасытная.

Райс попыталась улыбнуться на шуточный тон Апити, но тут же искривилась от боли в полопавшихся губах.

– А как ты ко мне вошла? Дверь же под мороком.

– Да легко. Ты ж сама вокруг Славу разлила. Заходи хоть всем Теремом.

– И как давно я тут отлёживаюсь?

– Да почитай деньков пять уже. Я за три управилась, а ты уж тут всем дала да выдала. Весь Терем на ушах стоял с утра до ночи.

Райс закрыла глаза от усталости, неожиданно навалившуюся камнем на грудь.

– Ладно подруга, – тут же тихо ретировалась Апити, поглаживая по руке рыжую страдалицу, – тебе нужно поспать. Сон лучшее лекарство. На себе испробовала. Успеем ещё поболтать, – и тут же спохватившись, добавила, – да. Ты завтра, коль в силах будешь вставать, рассмотри колдовскую роспись на Славу. Я от своей просто обалдела. Красота неопиcуемая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.